

СМЕНА

★ ЖУРН
АБОЧЕЙ М

1926

N:

5

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

К. В. Старику (Влад. губ.)— Для того, чтобы твои описания годились для печати, тебе нужно учиться. Пока же они не выходят за уровень переживаний и любования природой, доступных каждому человеку. Как образы для чтения, можно указать тебе: 1) Литературные сборники «Охота», изданы в 1924-25 г., а также рассказы М. Принчина.

Н. Олровер (Ленинград).—Лириска и поганка в одном ящике! Радость поганки, иногда перехватываемая через край, до «дашь, псыда». Нужно иметь в виду, что такого тона надолго не хватит, нужно быть ближе к жизни.

Гр. Иванову (без обозначения адреса).—В присланном материале приобщай свидетельством грамотности читателей к различным видам выражения фраз. Но это нужно обратить серьезное внимание. Вот несколько примеров: подсунул заметку под руки, следил замечательной под руки; если приложены, следил если приложены; где комсомольца, «25» руб. выделяли на его лице улыбку, хотелось ничего делать, его умутел от него «на это не хватает», подумалось, что замята и мы, др. Напечатать нельзя.

П. Кузягину (Ташкент).—В вашем рассказе следует отметить трезвое, реалистическое изображение окружающего. Рассказом это называть нельзя. Это скорее очерк, так как в нем нет закончившегося события. Чувствуется некоторая подражательность. Тебе, учитель не плохой, но следи, чтобы больше писать и меньше заинтриговать.

В. Бакееву (Брянск).—Твой рассказ на очень случайную тему. Может быть, ты хотела отметить, как часто люди придают значение внешним признакам и тем самым впадают в заблуждение, тогда нужно построить все гораздо тоньше и несомненно с более глубоким усением. А так, как есть у тебя, — кажется анекдотом.

М. Мультатули (Харьков).—Очерк использую.

Н. Зияльгоскому (Абхазия).—Передали для напечатания в журнале «Пионер».

А. Сопилинку (Киев).—Статья печатать нельзя в этом очень отдаленном изображении современности.

Г. Ефремову (Смоленск).—Всё прежде всего надо сказать: Принесенные стихи очень слабые, подражательной переделкой Лермонтовыми и Пушкинскими строками: «Он лесь, как инхр, прекрасен и могуч, он горд и смел или ежелесный стих, облитый горечью и злостью и пр.

Г. Коновалову и **Г. Игнатову** (Краснодар).—Пишите, пожалуйста, не смоком. В них нет реальности настроений, чувствуется наезд на монотонность переживаний о тайге и тоске. «Вечера», «Зимой в поле», «Тишина», «Бессонная ночь», все это так расплывчато, без цели, устремленности.

Перевозчикову (Фор-Дюс - Калмыкия).—Для начала стихи не плохи, облитый горечью и злостью и пр.

Н. Ковальчуку (Киев).—Пишите, пожалуйста, не смоком. В них нет реальности настроений, чувствуется наезд на монотонность переживаний о тайге и тоске. «Вечера», «Зимой в поле», «Тишина», «Бессонная ночь», все это так расплывчато, без цели, устремленности.

Перевозчикову (Фор-Дюс - Калмыкия).—Для начала стихи не плохи, но можно было лучше учиться. Нужно добиться более свободного владения ритмом и не следует стараться заключать стихи строчками, напоминающими агит-ло-

зуги. Такая открытая намеренность лишает стихи непосредственной заразительности.

Н. Байдукову (Махач-Кала).—Стихотворение не годится. В нем нет ни доли художественной самостоятельности и нет внутреннего образа. Составленное из отдельных громких фраз, оно не может создать впечатления силы и монти, как мы, вероятно, хотели.

С. Константина (Н.-Новгород).—Стихотворение плохо в целом. Тема (о труде) уже многими использована, поэтому имеется смысл писать, если есть новые образы и пр. Нужно заинтриговать читателя.

В. Костенко (Ст. Полтава).—Напечатать не можем.

Я. Яковлеву (Киев).—Сочинение с письменной пока проходить и больные и сердечной заняться усвоением поэтических образов старой и современной литературы.

Л. Попову (Сталинград).—Пригласлено очень слабо. Независимо от плохой техники, стихи очень страшны: отсутствие художественного замысла. Прежде всего подумайте об условии основных требований к художественному произведению.

Я. Гейне (Орел).—Актриса из ком. оперы не пойдет. Как рассказывает недостаточно художественно выражена, в нем много сырого. Чувствуется, что сделан на пасхах. Для очерка — в нем мало характерной темы. Кроме того, в литературном жанре не должны быть затянуты и комсомола принадлежат к историю поэтических механических.

Безбаженку (Борисоглебск).—Твои стихи очень нервные. Иногда приходится удаляться колебанию достоинства их, некоторые из них кажутся безнадежным стихоплетством, иные — наоборот — обнаруживают самостоятельность и почти умение.

Во всем этом есть и хороший элемент, надо работать чтобы из них не загнувшись выражать себя. «Прямо люблю» — подражательство Есенину, поэтому удачнее сказано общее настроение, но самостоятельный гораздо слабее (середина стихотворения). Плохая рифма «манто и трудно».

Хорошо — «Нам весна, что лягут морозы и мороз, что буины весна». Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя. «Прямо люблю» — подражательство Есенину, поэтому удачнее сказано общее настроение, но самостоятельный гораздо слабее (середина стихотворения). Плохая рифма «манто и трудно».

Е. Копылову (Красногорск).—Если будет страница стихов поместим «Зиму и юность».

Ф. Еремину.—Стихи не плохи. Напечатать не можем. Переслали «Комс. Правду».

Лихонину (без обознач. адреса).—Напечатать не можем.

ОТЧЕВНОЕ ЛИЧНЫМИ ПИСЬМАМИ:

Л. Камарозу (Ильинск).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Кирьянову (Новороссийск).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

Г. Гладышеву (Ленинград).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

В. Ярошеву (Муромец).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

Д. Дашевской (Киев).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

А. С. Пеетковичу (Болград).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

Г. Мельнику (Александровск).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

А. Семенову (Ростов-на-Дону).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

Д. Дьяконову (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Федорову (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

С. Соловьеву (Донецк).—Стихи хороши, но в них много и не загнувшись выражать себя.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/7. Тел. 1-89-18

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДЕЛУХДЕКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЁЖИ
ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЁЖИ
Н.З.-НОВЫЙ ГЛАВАРИК

Бюро тарифов всех стран, подчиняющихся

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год — 26 ном.	1 руб. 10 коп.
6 мес.— 12 ном.	20
3 мес.— 6 ном.	18
1 мес.— 3 ном.	15
Однажды №	95

Подпиську принимает Отдел Переводческими
Изданий Из-за "Молодой Гвардии".
Москва, Новая площадь, д. № 6/7.

МАРТ

1926 г.

Круп, партизан «заколыхался»: казаки хохотали...

ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ

ПРЕЖДЕ, чем ударить на присып Пинь-Эр-Гоу, командир партизан Амба Полосатый собрал по старому обычью своих других единников в круг.

— Дело такое, товарищи партизаны. Сидор

Волк—про него, однако, вы слыхали?

— Конечно, да и американский прислок по-дался со спасом братчишами.

— Ну, да-да. Знаешь, поднял он на драпе красный флаг. Да книшка слаба. Народ у него тоже человек на челеоне. Опять же дроворубы-хукузы на хукузу. Помощи просит Волк. Обязаны мы ему помочь.

— А как же американцы-то?

— Главный американец, баттермейстер¹) Гек Уайт, ускакал вьючкою тропой и, надо полагать, приведет «колхозов» или японцев.

— Японцы не пойдут, сказал есуп Амбы, Икешай.

Японцы не пойдут—маниз наберет. Вооруженный народу по сокам брахи-баси чисто. Круг почекал. Казаки, понимнув долу головами, так с минуту обдумывали дело—и Амба с Икешаем, стоя в углу, видели только донышки барсучих папах. Потом головы поднялись и по глазам Амба поняли, что решение принято.

Только кто со второго ряда во кругу спросил несмел и дерзко:

— Крупки, чай поди, друга намыла не мало. Так ли, товариши командир?

Амба оперился:

— Урр! Ты не гуляйся за спину—кто ты есть выходи... А, Николка...—враз там и думал...

Круг расступился, чтобы показать командиру того, кто говорил. Это был коренастый, скучающий парень в черных жандармских усах—повидимому, из бурят...

Он выдернул взгляд Амбы Полосатого. И, видимо, все ждали, чтобы знать, на что идут.

— Крупки²⁾ там, говорит гонец, намыло ближе десяти пудов. Кто работал на американце-смыках—крупку там на самой дороге держат, в бронированном шкафу. Это известно.

— А ключи?

— Ключи само понягло баттермейстер с со-бой ворвался...

— Шашки³⁾ заложить!— посоветовал кто-то опять со второго ряда.

Амба опять рыкнул:

— Урр! Слушай, товарищи! Крупка там красным флагом покрыта. Поняли?

— Дело простое!

— Ну?

— Да ведь! Пойдем. Чего ли? Так в посеслены—если кто покориться не поклелает,—можно пошарить насчет крупки...

— Чтобы и этого не было. Всю крупку в котел!

— Это нам известно. Гонец-то верный ли? Може ловушку нам ставят, да и подосланы мальчишами из этик зверомолов...

— Обыски, Амба! Письмо-то от Волка есть?

— Крупка, Амба! Письмо-то от Волка есть зна-писал такой, что лучше всякой письма.

— Знаш? Какой такой знак?

— Выручай меня Волк из-под изюбря. Так дал я ему заклад, такий, что если он в беде будет, должен я к нему явиться...

— Командир драги—пловучего золотопромышленного снаряда.

— Крупка—золотой песок.

— Подрывной пироксилиновый патрон.

— Какой заклад-то?

Видимо, все в круге уже знали что Икешай-каной заклад был дан Амбом Полосатым Сидору, и теперь прислан другу знаком беды. Обведя взором круг, Амба Полосатый увидел у всех хитро прищуренные глаза; иные ухмыльялись.

— Знак-то я добыл, товарищи, да Амба у меня его отнял...—всесоюзил Икешай.

Теперь Амба поник головой и всем в углу показал донышко своей папахи. Потом в неожиданно для своего открытия и вспомнившего о нем Амба Полосатого нул и ахнул на карман шаровар пеструю аптекную коробочку с ярлыком асеронийский хинин, осторожно снял с нее кишечку неумелыми пальцами и достал оттуда что-то завернутое в ватку.

Казаки следили за движением командира в молчании, неотрывными взорами, словно на деревенской ярмарке в России мужики на язвежкого фокусника.

Амба развернула вату, и в руке у него оказалась не-большой золотой самородок, видом своим удивительно похожий на молодые рожки оленя.

— Панты!

— Верно! Икешай верно говорит. Вот видишь! Ай, Амба, не делай... Обмышился, брат...

Круг партизан заколыхался. Казаки хохотали. У многих на сурьяных гладях лицах сошел щелчок под бородами и оттуда сверлили веселой несменской. У иных распинились и горели недобрый огнем.

— Оправдана себя, Амба! Амба сущено и всевидящим самородок на ладони своей широкой ладони и сказал:

— Весу в нем, товарищи, от силы—птицад-затылковин...

— Ха-ха-ха!

— Хо-хо-хо!

— Хэ-хэ-хэ!

— Хи-хи-хи!

— Ах-ха-ха-ха! Ах-ха-ха!—заливался рядом с командиром есуп Амба, Икешай, и вдруг осеня смолк: Амба положил ему на плечо, как-будто дружину, руку и легонько прижал...

— Пусти, оборомот! Езерина образина!...

Икешай уклонился от дружеской руки Амбы и нырнул в круг за спину товарищем. В кругу осталась одна...

— Вот что, друзья, моя товарищи. Сечь сей самородок я не могу, потому подарен был он мне дружку, и ему вернуть должен. А мне самому золото не надобно. Кабы я эти панты поселя—разы бы кто из вас не соскочил с коня долой, чтобы поднять—а то и двое—драка...

— Драки ту не миновать.

— Да как вот оно! Пойдешь со мной, друзья на Пинь-Эр-Гоу.

„ЗВЕЗДА“

С. ГРИГОРЬЕВ

Икешай в круге осеня и смолк: Амба положил ему руку на плечо...

— Айда! Ам-б-а! Ам-б-а!

Амба!

От крика

дрогнули сопки

окрест и отве-

тили, унося

идаль грузный

клич:

— Амба! Амба-а-а! Отряд спешно садился на коней. В четырех выюках шла горная пущинка. Амба аккуратно завернул в ватку золотые панты, осторожно уложил коробочку от серокислой хининки и спрятал в карман шаровар. Командир больше не сидел на коне, а сидел на коне и неподвижно. Даже зародила непородика, Икешай, с видимым смирением сел на коня...

— Амба! Амба-а-а! Отряд спешно садился на коней. В четырех выюках шла горная пущинка. Амба аккуратно завернул в ватку золотые панты, осторожно уложил коробочку от серокислой хининки и спрятал в карман шаровар. Командир больше не сидел на коне, а сидел на коне и неподвижно. Даже зародила непородика, Икешай, с видимым смирением сел на коня...

— Амба! Амба—священное в Уссурийском крае имя тигра.

— Амба—священное в Уссурийском крае имя тигра.

ЗАКАТА"

рисунки Г. БЕРШАДСКОГО

кую дырку и, попробовав—смылся ли крупка, приладил мешок к своему поясу дыркой вин

— Сеять собрался. Гляди, сеет! Сеет!—передалось с головой отряда на длину ветры в арьергард и оттуда обратно полною прокатился гру

ный крик:

— Амба!

При каждой ветряске из мешка Амбы просыпалася и падала на трону «крупка»...

Кони роязя на трону свой желтый парной помет. Отряд шел, длинной чередой. Всадники, покуривая трубки, посматривали против воли на трону: не блеснет ли желтый камешек покрупней? — нет, Амба сия золото вправь под копыта коней... Амба сия золото на трону некомандираны большими ногами, махали золотую крупу сабаками и напоказ... и все знали, что тут оно, добывое голodom, ходом, потом, кровью, процарапает навсегда. И гордо подымалася голова от праха земного. И стяжанула головой, всадник в здях и оглядывалася окрест: на листственный бор, на сумрачные в кольях белых облаков вершин сопок, на голубое яркое в нем червонное солнце.

Отряд поднялся на последний над погоном Пинь-Эр-Гоу утром. Ту Амба да знак оставилши, а сам подехал к коню и гребию унада с биноклем. Катаману тотчас присущился езуд Икеша.

Под ногами всадников открылся горный котел, на дне которого у кругого озера приоткрылся приск Пинь-Эр-Гоу. По берегу озера стоит драга. Трубу ее не лимят. Труба рефлера изогнулась лениво дугой по воде — из нее не света вода — драга не работает. На драге красненько горит.

На берегу бывшие драги в боях не потерпев проче за огромными белыми буквами, как будто для рекламы ее ими, сначала по-английски, а потом по-русски: «Звезда заката». В поселке у американской конторы еще трепещется американский флаг.

Синий слабо доносится чоканье вингтовочных выстрелов. Завалы по скату горы иногда опоясываются дымками: видно там и залегли стрелки. Драга отвечает.

— Во-вра! — пробурчал Амба, — видно еще мастер багтермайстер и вернулся: это свои балуются. Икеша, вели сюда пушечки.

Слушай, командир! Икеша посыпал исполнение приказание.

Орудие сняли с вьюков, собрали, поставили на колеса и подкатили к тому месту, где стоял, рассматривая драгу в бинокли Амба... Канонир подбежал и зарядил ящики и пязни «очереди».

— Две шрапнели! Дай журналь! Пусть знает, что это мы пришли! — прижал Амба.

— Есть журналь! — ответил канонир, досыпая патрон в канал орудия. Пушечонка задрала

рыло в небо.

Когда отряд благополучно вышел на торную вьючную тропу к присыку Пинь-Эр-Гоу, Амба пристановился, доспал из териков один из подожженных туда Икешею кожанных мешков, расковырял с зашитого дратвой уголка малень-

— Огонь! — приказал Амба.

— Есть отгон!

Орудие ударило. Канонир подхватил дымящуюся гильзу, доспал второй патрон, и пушечонка рыгнула в небо выстрелом второй раз!

Высоко в небе хлонули одина за другой две шрапNELи, оставив после себя два опаловых облака. Амба увидел в бинокль, что на драге, салюту «журналь», опустился и поднялся красный флаг; ружейная стрельба смолкла, а в поселке, около контура, забегали люди.

— Забегали — ровно, гармонь, горячие горячие, — знают они, какая! Зарастаютте! Во-время! — бурчал Амба, сопирая крепкими ногами дырку в втором мешке с золотым песком. На этот раз он проколупал дырку побольше, чем в первом мешке.

2. ДОРОГАЯ ДОРОЖКА

В ПЕРЕДИ Амбы бежала слава; в Уссурийском крае и по всей Камчатке, куда толькоступала нога вооруженных винтовок и золотопромышленных лотком старатель ими Амбы Полоцкого краем укуса, было еще окружено сказочные места. Амба... Полосатый посыпал дорогу своим паризанским золотом.

Рабочим американского присыска и всем жителям поселка Пинь-Эр-Гоу теперь представился случай воинично убедиться, что слава про Амбу Полоцкого — истинная правда.

О войне с рабочими, засевшими на драге под начальством Сидора Волка, после журнала у него, больше никто и не думал. Отряд Амбы спулся к поселку по скату горного котла вьючной тропой. Вокруг по гребню горного края коснувшись версту, замяки кости, — поставить пикеты. В поселке могли бы подумать, что над горным гребнем поднялись дамы да лыком первый, второй, третий, и, потом пропали: так было приказано, показав дымя, где встал пикет, тотчас погасить огонь чтобы командир знать, где езуды его стрелки с автоматическими ружьеми «американцы».

Навстречу Амбе из поселка гурью вошли жалкие мальчишки русские и китайские. Они побежали рядом с конем Амбы и кричали:

— Гляди, сеет! Сеет! Сеет!

— Сеет! Сеет! Сеет!

Одна из девчонок сняла шапку под желтую стружку пеструю, которая сочилась из мешка, привезенного вином дыркой вину и носу Амбы... В шапку попало несколько кружинок золота. Амба огrel маленьчишку нагайкой, но тот, не изведев света от радости, не почувствовал боли, крепко сжал шапку и что есть духу помчалася в поселок. Он кричал:

— Я первый! Первый! Сеет! Погаси!

Но его обогнал босой китайчик, он бурею влезет в толпу, стоявшую в начале улицы, и все кричал плясал:

— Сеет! Сеет! Погаси!

Сенка, обозленный, наддал духу. Крикнул:

— У меня в шапке!

Споткнувшись выпустыня шапки из руки и крупицы просыпались на землю...

— Стой, не затопчи! Гляди, честной народ, что! — торжественно кричал Сенка, Лежа на тропе, он отгородил руками то место, где на земле лежали просыпанные крупицы. Вот оно золото! Сенка достал еще одну застывшую под падающие шапки золотую кручинку. Вытряхнув шапку, Сенка включил на ноги, надел шапку на голову и заорал:

— Амба!

Трах,—грянул выстрел, и высокая шапка пробитая пулев, слетела с головы «старшины»...

— Трах! — грянул выстрел и высокая шапка пробитая пулев, слетела с головы «старшины».

— Вели ему, Икеша, чтоб расчитался по совести! — сказал Амба и повернулся коня к пристани...

Икеша перевел китайцам приказание Амбы. Чин-Бао-Ли кланялся и улыбался вслед атаману партизанам. Один из дрорубов поднял шапку и подал ее «старшине».

На пристани стоял старший из дрорубов. Тот сразу же не склонил с коня, ждал от «Звезды Заката» отчего-то шандана и быстро на шагах подошел к пристани. На носу шандана с винтовкой в руке стоял Сидор Волк.

Шандана пристала к помосту. Сидор Волк выпрыгнул с ладони и подошел к Амбе. Тот не дал ему до себя дойти, живо скинулся с коня, и они обнялись с Сидором и троекратно расчесались. Жители смотрели на эту церемонию в толпе с любопытством, сплетаясь, оба имени:

— Амба!

— Сидор!

— Волк!

— Амба! Амба!

— Амба! Амба!

Сидор Волк пригласил Амбу к себе на драгу в гости и поговорить обо всем. Рабочие с винтовками не выходили из шандана. Амба не решалась принять предложение друга:

— Без коня мне не способно. Виду что.

— Что? Ничего не может быть. Гляди, ты их успокоил?

Амба сидела глазами горы, между которых озеро было подобно в этот час золотому вину, напитому в зеленую чашу из узорного стекла. Был закат. Дымки кастрюй подымались и таяли над гребнем гор—колою никетов вокруг Пинь-Эр-Гоу замкалась... «Звезда Заката» сквернула золотыми огньками... — там пустыни в ход пародиано, и по улицам поселка застелились, наливаясь светом, фонари. Сидор Волк велел включить оптический кабель, протянутый на берег по трассе со «Звезды Заката»—грохнули винты в туман поселка, — засияла свет. У каторги на флагштоке висел кумачевый, видно сладянный наскоро из запасенной рубахи, флаг. И оттуда спыхнула крики...

Амба: Амба-а...

Шло ликование. Вождь красных партизан распластывался в широкую улыбку:

— Ну, быть так! Поехд к тебе на твою чортову посуду—стий путь. Коня поставь. Икеша, тут и на пристани никого не пускать! Разезд по тропе прослал!

— Прослал, так!

— Послал. Икеша, чтобы у бара не было безобразий!

— Нууу, дак-дак!

— Саменько выпьем. Будь уверен. Амба.

Шандана пошла к драге, увозя туда Амбу и Волка. Гость был очень польщен тем, что к его прибытию команда драги была выстроена с винтовками у ноги вдоль борта, а парадом командой поднята в морской короткой сабле, он ловко выхватил саблю отсалютовал гостю и доложил:

На драге «Звезда Заката» — имею честь: все обстоят благополучно.

Признаю рапорт Амба подозровался с почтением к Амбам...

— Здорово! — сказал Амба...

— Здравствуй, Амба! — грянул ответ. И далеким отголоском на берегу прокатилось:

— Амба...

— Разойдутся ночью бар-от американской — ведущей подумал Амба: и мон выти, чего логордвались.

Сидор Волк пригласил гостя в каюту баг-гермейстера, в стену которой выходила дверь бронированного шкафа с хитрым секретом. По-

дали чай. Амба и Волк остались вдвоем. Амба щелкнула по деревке шкафа ногтем и спросил:

— Есть.

— Сколько?

— Баггермейстер говорил, что близко десяти пудов. Теперь я по журналу проверил — выходит все тридцать...

— Во врем...

— Удержим, Амба!

— Спасибо! Отколе ты еще помоши жены? С Москвой? Москвува, далече.

— Дней через пять от силы: в неделю. Гек кого ни-то привел?

— Япону, конечно.

— Не пойдет! Американской промысл отбивать!

— Японца: еще как пойдет. Заплатит тут есть чем... Подмоги, нам ждать нечего

— Сидор задумался. Амба его утишил:

— Не поникай, душа! У нас можно сказать, все видят оружия: ты тут вроде на флоте. Бегут пули обнажки?

— Во врем... Броненосец. Дроверубы, я поглядел—парни ничего, из них пехоту образует. Армия! Летний снасти только не хватает...

Сидор Волк плонул: лучше бы не понимал.

— Думашь, налегай! До моря далеко, однако. Прилетит, полетит, камни, раз другой, да с тем и летит. Пустое дело. Удержимся. Мы-то, ты вот что скажи мне, золотой ты мой.

Амба поглядел во всероссийском манчеге...

Амба поглядел на горячий чай, в озабоченное лицо Волка.

— «Манчег», передразнил Волк друга, научился слова произнестить.

— Так ведь, это я для разговору.

3. ИГРА В ОДНУ ШАШКУ

ВЕЧЕРЕЛО. После чаю Амба вынула из кармана коробочку из серебристой хини и лотка положила ее перед Волком на столе на камнатную скатерть синими шашками по белому полу. Волк покосил глазом на коробочку и не двинулся.

— Проперев! — сказал Амба...

— Чего? Я знаю.

— Нет, ты уж, будь добрый, проверь!..

— Ах, ты...

Сидор раскрыл коробочку, развернул Волк, повертел в руках причудливо изогнутый самодод, опять, беженко укутав, спрятал в коробочку и подержал ее в руках, поставил на то самое место перед собой, где я раньше полежал Амба.

Положение было весьма деликатное. Амба спокойно вынула постуху Волка. Волк же торопился. Довольно ядовито и грубо Амба спросила:

— Баланец подводишь! — и как-будто протянул руку, чтобы взять коробочку и спрятать ее снова в бедонный карман своих чикчи, украшенных широким зеленым ламасом: но вместо того, чтобы взять, подвинул коробочку к тому краю стола, где сидел Сидор Волк. Волк умножился—поджал немногим глядя на столешницу, мимо коробочки, потом подвинул ее легонько в сторону Амбы.

— Амба! Амба а-а! — подхватили крик рабочие и жители поселка Пинь-Эр-Гоу. У того были в руках винтовки, все подняли их вверх прикладами, дерка к ствол — так отдают честь оружием в горах Камчатки.

Теперь уже все могли видеть, что Амба в самом деле посыпал дорогу своему отряду золотом. Амба проколупал ногтем дырку в мешке еще немного с тем расчетом, чтобы струйка золота была видна, но все же, чтобы хватило на коня мешок ушей и, вставши на коня, склоняясь вперед, готовые паднуть из пулеветов...

Народ собрался на площади. Всадники Амбы окружили народ, колычом и встали головами коней внутрь круга. Высокий обоз втягивался в поселок. Амба подняла к коню широкое прикрытие и увидела на коне ярко-красный флаг. Мальчики кинулись к флагштоку, сдернули флаг и прибрались его рвать в ленты и лоскуты.

Станции конторы были закрыты.

— Постучи! — приказал Амба соседнему пулеветчику...

— Трах, тах, тах! Трах, тах, тах! Трах, тах! — прогремел автоматический ружье, сделав в ставне девять дыр...

Голова коня закуталась в дым. Конь зафрикал, подняв пыль умывалась.

Дверь коридора распахнулась и оттуда выскочил старый китаец — конь широкой кордой атласной на калате с лисицей воротником. Старик кричал и сначала несильно было понять, разность или испуг он хотел выразить. Оказалось первое. Клянчился и ульялся, китаец сказал подбежав к Амбе, что он рад его видеть:

— Шибко рада, капитана. Добрый день.

Это был единственный из администраций компаний; американцы и русские ушли все вместе с баггермейстером Геком Уйттом — «старшим» винтовщиком. Старик Амба осталась один — и не со своей окоте: его застрикли рабочие артели. Они стояли тут же с большими своим топорами на плечах, безмолвно. Амба сидел на коне подбочинясь и ничем не ответил на униженные поклоны «старшины».

Один из дрорубов подошел к Амбе и, приложив руку ко лбу, что-то сказал, качнув головой в сторону «старшины».

— Икеша, спросил его ему надо.

Икеша спросил о дрорубе с тем же вопросом про майтаки.

В ответ все дрорубы подняли разноголосый крик, размазывая в воздухе топорами... Икеша деложил:

— Они тебе, Амба, жалятся, что старшина их обманывала при расчете. Дело обмыновшее.

— Попутай! — приказал Амба пулеветчику.

Длинное дуло автомата направилось через голову коня прямо в грудь. Чин-Бао-Ли. Старик застыл, широко раскрыв рот, где были видны золотые зубы. Толпа в ужасе раздалась на полы.

Оба они в ту минуту вспомнили частик в Читинской тайге, где нарались на «старшик» и не было Амбы на рогах, если бы не кортик Сидора Волка. И что такое кортик полумутный игрушечный книжки! Но удач был верен и глуп.

Помолчали еще, прислушиваясь к ровному голосу паренека, который монотонно песнел под гармошкой в драге и криковал с берега, и Амба, вздыхая, потянул чайку коробочку к себе, оставил ее на столе. Тут и Сидор спокойствовал и подвинул коробочку к себе обратно.

Началась игра в великолепие. Когда Амба положил коробочку на стол, это просто значило: меня погнал — вот я пришел и с тобой, если бы Сидор Волк после этого взял поставленную перед ним коробочку и спрятал, то тем самым сказал бы Амбе:

— Ты еще со мной не расплазился за то, что шрам, тогда «старшик» прополоскал мне всю руку от плеча за локоть. Конечно, я сам послал тебе знак, но дольше еще за тобой.

Решительно вернувшись панаме Амбе. Такой поступок бросил бы тень на славных благородством чувств и поведения таежных охотников-искальцев. Этим было бы сказано грубо:

— Мы квяты.

Волк вторично подвинул коробочку от серпиков хны в сторону Амбы, и Амба вторично ее вернулся на прежнее место перед Сидором Волком. Амба как бы говорил:

— Плевое дело. Я еще ничего не сделал. Ты вот тогда — дело сотов.

Сидор Волк выждал времени, сколько требовалась утихость, и более решительный, чем раньше, подвинул коробочку Амбе, тем самым безмолвно говоря:

Что значу я, Сидор Волк, перед тобою, Амб! Полосатым? Ты славен от Банкала до Сакалина. Ты стельешь золотом дорогу коням своих товарищей. Каков еще может быть для меня счастье только одно: еще раз, если доведется, помочь тебе в беде.

Пожалуй, это было лесть, и дерзкая. Амба сделала вид, что рассердился.

— Долго мы с тобой в шашки играть будем. Говорю: сори.

Волк не знал и ответил:

— «Винчук» у нас с тобой не может быть.

Твоя или моя.

Во-время.

Амба расхохотался и спрятал коробочку с золотыми пантиами в карман, тем самым подравняв мало кому знакомого Сидора Волка с союзом, Амбой Полосатым. И Сидор Волк следил должностником Амбы.

Гиич махужа уже темным крылом над горами, призвавшая к покоям. В поселке Пинь-Эр-Гоу было не до утомы. На площади, где приписывались «офисы» и бар, гудела толпа. С крицами бара что-то в толпе кричали, было похоже на митинг.

Пинь-Эр-Гоу своим сараем из волнистого келеса с кудрявой черной насыпью по-английски, мактуном, баром и несметными двух этажными домами, первоначально построенные американскими компаниями, походили первые дни свои на любой золотопромышленный город Аляски. Но тут была не Америка. Американский посолек быстро оброс русскими рулеми изолами, с коньком и стяжами на окнах, односкатными китайскими фонарями, а в полуторе землянками, где ютились дроворубы. Площадь среди окружавших ее построек так же выделялась как Кремль в Москве. Впрочем, «офисы» и есть Кремль Америки. Однако, в Пинь-Эр-Гоу не было ни один церкви, никаких молельни, ни единого капища. Если кому здесь молились, то — Злату.

Толпа перед баром умелья. И в баре гудела пьяная толпа. Слов «золото» звучало, как к, амбар, корея на тридцати наречиях. В гомоне можно было разобрать слова.

Амба — Сидор Жиган. Панты. Шраф. Драга. Обман. Флаг. Багтергейстер. Сибирь. Ичиши. Кодык. Отряда. Американцы. Пущин. Самолет. Неделя. Республика. Большинство. Коммуна. Давай. Шраф. Сидор. Бей. Песок. Обман. Панты. Амба. Вор. Амба. Амба. Амба.

Кто-то в толпе, на улице познял винтовку и выстрелил вверх, и тотчас все, кто был при оружии, раздирили в воздуху револьверы, маузеры и винтовки.

Услыхав с драги трескучий залп, Амба усмехнулся и взглянул через окно каюты на загутанный в вечерний туман поселок. Со стороны пристани донесся странный крик:

— Никак это «старшик».

Волк и Амба вышли из каюты на борт драги. На пристани у причала стоял «старшик»

Чин-Бао-Ли и, махая руками, что-то кричал в сторону драги высоким бессильно звонким голосом.

— Постила заним лодку, — сказал Амба: — так зря кричать человек станет, голосом, гляди, исходит. Сказки, чтобы Икеша с ним приехал: переголмачить чего «старшик» надо.

— Ничего, я сам его пойму.

— Быть так.

Волк послал за «старшикой» лодку. Увидев лодку, «старшика» перестал кричать, терпеливо дожидался, но не мог пристать к нему перемахнув, плавающий полы, в лодку. Она доставила его на драгу. «Старшика» цкарабкался наверх по трапу и подтолкнул Сидору, кланяясь и приложив руки к сердцу, и касаясь правой своей щеки.

— Ну, чин-Бао-Ли, капитана! Дурно есть! — проговорил Чин-Бао-Ли.

Он перешел на китайское наречие, что-то торопливо рассказал Волку. Лицо у Сидора потемнело. Амба встревожился и сделал дугадку:

— Что китайца, не рассчитался, видно добром. Подвесите что ли тебе ходи твои хотят! Говорено тебе было: дай расчет.

Уловив знакомое слово, «старшика» обратился к Амбе и зааплатил:

— Расчета, капитана, есть. Честна расчета. Твой люди дурно делают. Мой смирила есть. Попла расчета, капитана.

— Дело-то, Амба, выходит дрянь, что ты у меня панти взял — сказал Сидор Волк: — тут же члендона против тебя агитацию ведут, песок смышец, а самодорики в карман причешь. Придется тебе обяснятьться. Или мне панти вернешь, чего ли — наследника золотоносца Волка.

— Обясняйся. Амба ты, китайца.

Амба пересказал «старшику» за руку и хотел его спихнуть в лодку прямо с борта

Погоди, Амба. Дело не в личности. Личность свою ты оправдаешь.

— Это Икеша, пес воинчий, никто, как он.

— Вероятно.

— Стакну. Конечно. Последний раз спустился. Нынче стакну. Едем на берег

— Постем ужо. Не торопись. Амба, свою амбицию поправлять. Дело-то в том, что амбицию твою тронули только для виду. Главное раз республика требует, чтобы песок, которым в шкафу, подле лить по рукам.

— Во время! Что, брат, говорил я тебе в жизни сколько раз: метал обезвредить надо. Пока не обезвредим метал, ничего не подлаешь.

— Твои начали.

— Стакну. Едем. Как пса смердящего стакну. Вот моя рука.

— Да погоди.

Сидор Волк начал рассказывать «старшику» во всех подробностях о том, что творится на берегу и, выслушав Чин-Бао-Ли, предложил Амбе на решение: ехать на площадь к толпе втроем. У Амбы найдутся подхалие вызвалась уговорить тех, кто понимает волк-китайца. Сидор Волк ложился на дозе те матеровки и принесков, которые не пристали к нему, когда он поднялся на драге красный флаг.

Амба готов был соглашаться, но все же спросил:

— А кто будет первым говорить?

Он ожидал ответа:

— Ну, ясное дело, ты.

Волк ответил, обращаясь к своим изменникам: Чин-Бао-Ли сам?

— Ну, ясное дело, Чин-Бао-Ли...

Амба расцвел:

— Министр ты у меня, Сидор!

— Так вот и назначай меня министром в свою республику.

— Какая это такая есть моя республика?

— А пот!

Сидор обвел вокруг рукой.

— Хо-хол! Согласен.

Попали лодку. Успели в нее втроем. Гребцы упарили в велса. На корне драги гармонист в кругу мастеровых играл веселое. Сидор продолжал по-китайски в чем-то наставляя Чин-Бао-Ли, и тот ласково жукаул, отвечая, и беспече кивая головой, ульбаялся. Амба нахмурился.

— Стой, —крикнул он гребцам,

Гребцы перестали гребсти.

— Ну!

— Дозволь друг, гармониста с собой взять! — вопросил Амба.

— Изволь.

Лодка вернулась к драге. Гармонист присоединился. Лодка понеслась к пристани.

— Играй вальс «На волнах Венеции», —приказал Амба: — не жалей мехов!

— Есть!

Мэтрос впером разнерзнул трехрядку.

Под грустные звуки томительного вальса лодка приближалась.

К берегу привалила, утихая, толпа.

Амба высыпался и потребовал коня, хотя до плодца было не более тысячи шагов.

Подали еще трап коней. Сидор Волк откашался Чин-Бао-Ли рассмеялся и, прижимая руки к сердцу, ласково жукаул, всем видом ясно говоря, что никогда в жизни не садился на коня. Мэтрос с гармоником вскочил в седло.

Окруженный конными племенщиками с пебшим Сидо-ом и «китайцем» всел себе Амба двинулся на площадь пустын вперед гармониста:

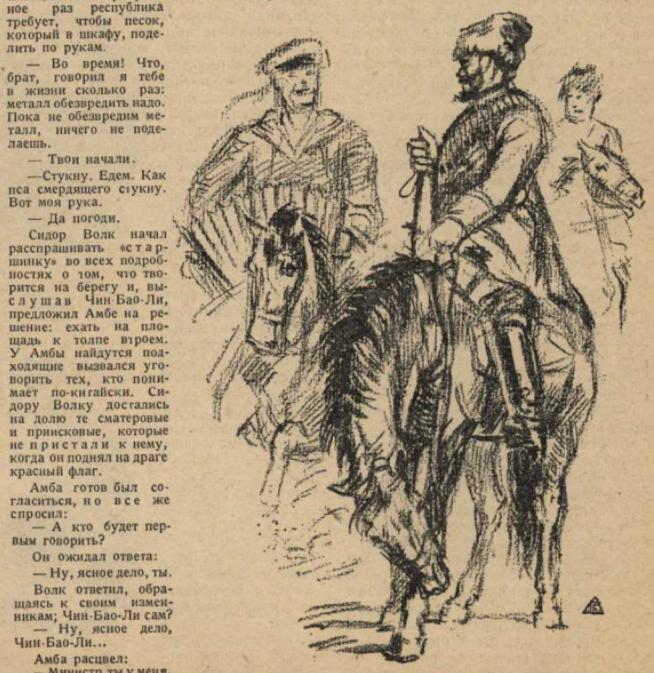
— Играй чего ли, чтобы за «самое — мое» брало.

Гармония грустно запела.

Где гуше! Басы подпластый, —приказал Амба, подбочась.

— «Амба» — нестройно зверевела ему навстречу площадь.

(Окончание следует)

— Играй чево-ли, чтобы за «самое — мое» брало...

СЕНОКОС СТОЯЛ, лето жаркое. Уморился дед на работе, пригрелся под двери, захрапел. Вдруг сон: будто бы он пьяный под кустом лежит и ползет к нему змея, шипит, восклицает, выговаривает человечьим голосом: «вот вползут тебе в брюхо, буду там жить, жиреть, а ты, пьяница, пей самогон, я ува-жаем самогон, мне на пользу!»

А в этот самый миг девчонка малая, Акулька, зачерпнула ложкой воды ключевой, подкралась, да водичку-то в разинутый дедов рот и выпила. А сама мыры-мыры за печку. Застонал дед, продрал глаза, весь в поту. Хотел перекресться, онемела рука. И зарорал дед на всю избу:

— Господи, Суси Христе! Бабы! Мишка! Акулька!! Змея меня в рот вползла!

А девчонка захлебнулась хохотом, мыры-мыры в сенцы, в хлев, на улицу. И звонким там смехом взорвалась.

Пришла с работы бабка, пришел дедов сын с женой, пришел внук, Мишка комсомолец. И Акулька вкатилась шариком, глазенки у нее, как у хорька: веселый бисер.

Дед в переднем углу сидит, вдвое перегнувшись, одной рукой брюхо гладит, другой—святой крест творит. Лицом сер, как толокно, трястется с неприятности. Рассказал дед всему своему семейству, как дед было, как змея вползла него и лежит в брюхе, холодная, пиши просит, страшь как есть хочется... Ай-ай, беда какая!

Стали его отговаривать: этого, мол, сроду не бывает, просто, мол, это сон дурной. А бабка затрясала старой головой, сказала:

— Как это не бывает! Завсегда случается. Ох, говорила я тебе, старик, не жри винице не благословясь... Вот и. Это не простая змея, а сам нечистик. Свят-свят-свят!

Дед пуще захола, хнычет, сомрался:

— Пропал я совсем. Замучает она меня. Холодная, как лед, в глотку влезла.

Акулька же, точно не ее дело, сидит на полу горшечком, только хитрыми глазенками блестит. Дед в стон, дед чуть не плачет. И бабка слезы утирает кулаком, рот скривила, —жаль.

Тут комсомолец Мишка с речью выступил:

— Эх, дед, дед... Борода имеется, лысый весь, а ума не нажил...

И стал обяснять, что все это предрассудок, что бога нет, и все иконы надо было давно долой. Дед зыньнул на него, мать разругалась: «пашенок худой, безбожник!» Отец за кнутом руку протянул, да забоялся: теперь такие времена пришли, что собственного парнишку вздути не смей,—живо в суд поятнет.

А Мишка тоже в щель пошел: белые волосы его взхлипали. Ткнула Мишка в засиженный мухами портрет Карла Маркса, рассудительно сказал:

— Почемуже вот этому человеку сроду ни одна змея не могла вползти? Потому, что этот человек самый ученый,

Вдруг сон: ползет к нему змея, выговаривая человечьим голосом: «вот вползут тебе в брюхо, буду там жить...»

З М Е Я

в. ШИШКОВ, гравюра П. СТАРОНОСОВА

ему памятники ставят и он никаких званий не признает. А ежели-б которая и вползла, он бы ее, дьявола...

Дед под шумок с'ел целый горшок капши—змеица, чорт, прожорливая очень,—взял клюшку и пошел к священнику. Выслушал его священник, понюхал из тавлички табачку, сказал:

— Я лично не верю, опыта со мной не было, но не могу и отрицать. А раз мой духовный сын пришел искать не бесной благодати, что я могу предложить, кроме молебна с водосвятием. Неси, чадо, завтра пудик мушки.

На другой день, поутру, горячо со слезами дед молился в церкви. Бабка пришла, Акулька с матерью пришла, еще четыре старухи приплелись да стяричок хромой. Все на коленях молятся, Акулька тоже. Надоело Акульке на коленях слогать, села горшечком, посмотрывает на икону. И покажись Акульке—угодник божий, что нарисован на иконе, по строгому взглянула на Акульку и пальцем погрозил. Испугалась Акулька, стала оправдываться в мыслях:

«это я, дяденька, на-рошино. Вот тебе Христос, я не запускала дедке змею в рот, ей-богу... Он врет ста-рый дурак. Я совсем даже не при чем».

Мать покосилась на Акульку, ткнула в бок:

— Ты что это рас-селась, моська пар-шивая? Ты где?

Пришли вечерком комсомольцы к деду в избу: а он вверх голым брюхом на печи лежит, на пупке киринку...

А дед после молебна дрожащим голосом говорил священнику:

— Кажись, полегчало ма-лость. А дозвольте вас, ба-ташка, спросить: как она, окаянная, вызыгнется через здад. Мужайся, чадо, уловой.

Подумал поп, понюхал та-бачку, сказал:

— Опыта со мной такого не было, но здравый смысл подсказывает, что пресмыкаю-щаяся тварь извергнется через здад. Мужайся, чадо, уловой.

И опять деду хуже. Месяц прошел, а толку нет. Чует дед: шевелится в брюхе пропастника.

Со всего села старухи одолели с советами: вот того ис-пей, вот этим настрия, по-чихай на заре в чистом поле вправо, влево по три раза. Вы-манивали старухи змею на молоко: лег дед на пол в голом виде, поставили бабы вокруг него пиринок с кипящим молоком, накрыли деда с головой одеялами да шубами.

Ширше рот от��ой, кормилицы ширше... Пуще дыши, она медоко уважает, вы-ползает.

Дышал, дышал дед, взмок весь, на-доело, плонуло.

И опять проходили дни. Чует дед: квакает по ночам эмча, как жаба, пищи просит. Дел ловко ел, сроду такого аппетита не было. Только жизнь не в жизнь деду, на свет бы не глядел. Живот расти начал.

Жаль Акульке старика. Разве рас-скажать? Нет, страшно, хоть и любит ее дед, а уши выдерет.

И у Мишки сердце защемило. Как-то сказал он комсомольцам, товарищам своим:

— Вот что, ребята.. Как-никак, а человека жаль. Хотя он и дед мне родной, а человек хороший, только темный.

Давайте-ка, ребята, лекцию ему прочтем вследствие несознательности.

Пришли вечерком комсомольцы к деду в избу. Дед вверх головы брюхом на печи лежит, на пупке горшок опрокинут, под горшком богова свечечка горит. Начали комсомольцы деда убеждать:

— Ты, товарищ, не верь чепухе, послушай нас, мы веточки люди полиграмотные. Ты маленький, что ли? Как это может змея в живого человека заползти? Да она дура, что ли? Чтобы вот так забраться в чужую морду и сидеть в брюхе вроде со строгой изоляцией. Чорт знает, какая бессознательность А чем же ей, спросить тебя, дышать-то там? Она хоть и не велика, а кубатуру требует. Эх, ты, старый хрен, товарищ.. Да она бы там в двадцать четыре часа подохла. Да она бы тебе все брюхо изжалила, давним давно ты бы на том свете был. Ты подумай-ка! А ты по глупости молебен служишь, поддерживая суеверный культ. И горшок для чего-то опрокинул на самый пуп с на-говором. Эх, ты!! Да ежели гадина и залезла бы к тебе в пасть, ее ни крестом, а пестом надо оттула. Бога нет, товарищ, и напрасны твои рассуждения. До семидесяти годов дожил, а не можешь понять, что бытие определяет сознание. Понимаешь, нет?

— Понимаю!—стиснув зубы, свирепо крякнул дед.—Я то все понимаю!!—Он сорвал с пупка горшок и что есть силы швырнул им в комсомольцев.

— А ну его к чорту с лекцией-то!— вскочили, побежали комсомольцы вон,—

что у речки паску влесу держал. Отвалил колдуна три политиника серебряных да утку. Колдун сказал:—сейчас я ее, дьяволу дочко-жгу. Выскочит, как угурля! Пол-весил деда вниз головой за ноги к лесине и начал по голому дедову заду со всех сил широкой лопатой ядренные шлеки давать. У деда в глазах темно, кровь в голову ударила, на весь орал, вот лопнула в еревка, брякнулся ста-рик. Да без памяти, голозадо вмаз домой, забыл что и стариком числился.

— Я этого колдуна, Мишря, тоже поморду зарублю, будь он проклят! — закричал дед на старуху.— Только послушайся тебя... Давай портки!

Колдун подвесил деда вниз головой к лесине и начал по голому дедову заду лопатой ядренные шлеки давать...

Дед закашлялся, вскочил и утирил захочотавшую Акульку за нозу...

а вот дать ему, старому барбосу, бучку хорошую, все змеи вылезут вместе с кашей!

Акулька захочотала, потом лицо ее стало серыеизмы, ей опять сделались жаль старика:

— Ах, дедушка, дедушка.. — вздохнула она, заперебирала платьишко, потупилась.—Я хочу сказать, дедушка.

— Чего-то!—покарабалася дед с печки.—Ты тоже, козявка, пропаганду вешаешь, гитации?! Я—те!—брописался к ней дед.

Советовали крестьяне деду в город, к доктору.—Ну да как же! Нашли дурака! Чтоб доктор живот ножом вспородил, на тот свет без покаяния отправил. И вместо доктора пошел дед по наущению бабки к знающему колдуну, Мишрю,

А змея пуще в брюхе. Стал дед с горя выпивать. Как-то подпрыгнул у кума и лег под порогом в прохладном месте отдохнуть. Только закатил глаза, слышит — змеиный голос, будто в брюхе у него змея своих подруг манит: «идите, подруженки, здесь распределяйте каши вдоволь и хозяинин винишко подаст».

— Сейчас, девонька, сейчас залезем... где он, пьянница? — Застонал дед, заметался и словно бы к земле прирос: не шевелиться. Акулька же тем временем опять почерпнула ложечку воды студенистой:

— Другой раз не лайся, — сердито шептала она, — вот я тебе еще змею вплющу, — и бултыкнула водичку в делов настаж открытым ротом.

— Тыфу!—выплонул дед, закашлялся, вскочил: — Змея! Бабы! Опять змея! — и утирил захочотавшую Акульку за нозу:

— Вот это кто, комар ты еши!..

— Ой, не чикоши, не чикоши!

Дал ей дед два легоньких шлеки, посидел в раздумы, плонул и, глядя на смешливую Акульку, заскрипил рожью старческим голосом:

— Вот ужо, ужо я крапивы нарубу! Я—те!..

Но Акулька не поперила, сказала:

— И ту змею, которая первая, тоже я впустила.

Дед выпучил глаза, и рот его от удивления открылся.

— Неужкт? — Ей-богу я, — ёб-богу! — засиплась, как бусинами, смехом веселая Акулька. Дед и жар, и холод. Забурлила в животе последний раз и смолкли. Дед захочотал раскатисто, громко, как лесовик в тайге, и целий ковш выпил квасу. Змея не шевелилась.

И вся ночь, и следующий день прошли благополучно: нет змеи. Дед рад, все рады, больше всех—Акулька.

— Православный! — сказал дед на сходе мужикам. — Оздоровел я. Заместо змеи, Акулька озоровала надо мной. Вот твари!..

А одна старушка косплеячка, с темой водой в глазах, уверяла мир:

— Сама видела, хрещенье.. Хать слепана, а видала. Вот этакий змиенце огненный из дедовой трубы вспорхнул. Пых-пых, да прямко в лес.

Комсомольцы же устроили митинг, горевали мужиками:

— Вот, товарищи, вы теперь удостоверились лично, что залезающая в брюхе змея есть ужас политики. Кругом профсоюзное движение, кооперативы, чайки, и вы, как один, должны переходить на многополье. Но мы, комсомольцы, заявляем вам, к порядку дня: да, действительно, во многих из вас сидят змеи. И эти змеи — ваша темнота, товарищи! Мы, ваши дети, должны вырвать этих змей вместе с требухой.. Долой неграматику! Да здравствует труд и наука в ногу с комсомолом!!

Дед дома сказал Мишке:

— Ну, Мишка, видать—змея в тебя не влезет. Молодец, брат...

И дал ему пряник, а Акульке—два,

По большим лётным праздникам растяжкаевые девки надевают лучшие наряды, обувают полусапожки с голенищами и идут в сёлце к обедне

1

ПО БОЛЬШИМ лётным праздникам, в жаркую, сухую погоду все растяжкаевые девки одеваются в лучшие наряды, обувают полу- сапожки с голенищами и идут в соседнее село к обедне.

Ну, уж какая там обедня! Тут дело не в обедне, а в нарядах: девки—только в Растяжкаеве, ребята, нет, и холят девки наинака. Глядят на них Катюши, дочь председателя комитета белотоны, глядят, а у самой сердце так и заматывает:

— Вот если бы ей такие наряды!.. А главное—калоши! Ух больно они блескят-то хорошо, — как зеркало. В них даже, говорят, глядеться можно!.. Привезли из Кониши Маньку Злынкину глядеть как-то до конца носа немного и запачкала пылью. А девки видели, да не сказали нарочно. Ребята и теперь над ней смехуются. Ну, да она, Катюша, не дура, не Манька Злынкина—близко к лицу калошу не поднесет, да еще, на всякий случай, после, как поглядится, — нос утре...

Aх! и когда только будут у неё каючи? Отправят в город, а она еще молода—15 лет, только—успеет нарядиться-то! Вот отправят он ее осенью к дяде в город, на фабрику,—так там этих калоши-то на резиновой фабрике, на дворе, сколько хошь валяться—во и рядись тогда!

И Катюшка, закрывши глаза, видит, как она на булаву, весни вернется из города: и в новом платье, в полусапожках на пуговицах, и непременно в голенищах, пойдет в соседнее село к обедне. Погода будет стоять жаркая, сухая—непременно сухая. Поэтому—иг-

КАЛОШИ

Г. ЗАБЫТЫЙ, иллюстрации В. ЕФАНОВА

же по грязи в ясных калошах ходят? И вот идет она вместе с другими девками; все ее кругом рассматривают и расспрашивают, сколько стоит каючка...

— ничего не скажешь, — ничего не скажешь, — всем охотно отвечает.

Идет она, такая высокая, прямая по узенкой тропинке около дороги. В небе покоят птички, солнечко светит; и все так кругом хорошо, ясно, как в сказке. Правда, она немного заплянилась, потускнеела,—но это не беда. Свернет Катюшка в сторону с тропинки, широкий ногами по траве, — и галоши опять заблестят и как будто еще новее становятся.

И забывши, трет Катюши ногами по полу, смотрят на них и видят: белые очиучки и новенькие, праздничные ланти. .. Ах, и когда только у нее будут полусапожки с голенищами...

Ради них она готова была перенести всякие лишения. И свою тещу, пельмени, она привозила осенью, когда отец отвозил ее на станцию. Несмотря на полное недобро этой еды, она даже не издала ни одного звука.

Погода одна неслыханная. Грачья верстага по станции ехали они весь день. И почти весь день их поливал дождь. Облизавшая дождем отцовскую клячину казалась еще худе и менье. Поницавшись в vogолях, она тяжело, с трудом, с трудом, по склону горы, где отрывая от земли широкие, длинные грязи, расковы- вала подола вперед и, нахмурившись, сидела на пригорках. Лицо ее было бледно, синевато, синевато-бледно, синевато-бледно...

Кругом серо, сырьо, скучно. И, чтобы не глядеть на эту скоту и ничего не слышать, Катюшка зарывается в телеге в мокрую скотину. Чего? Холодно? — забытого спрашивает отец, и не дождавшись ответа, утешает:

— Ничего, на станцию придем—обсохнем...

А Катюшка не слышит ни вопросов, ни утешений. Накрываешь с головой деревянкой и согреваешь дыханием, она видитгород—фабрику с высокими стенами и большими окнами, каких-то черных лобов и длинных носов, каких-то фабрик и машин, разные узлы, разные напанелы гашишки. Но никто из них не обращает внимания, потому что все люди бегают по двору в новых голенищах. И только одна она подошла к самой большой кучке и... Тут у нее были разные заключения, но при всех заключениях замирало сердце.

То ей казалось, что в той кучке, к какой она подошла, все как раз гадают о том, что впереди бросает под забор. И все об этом знают, и уж никто не подходит к ее голенищам. А если и разглядится какой-нибудь по-износивший, так ему сейчас, кто-нибудь крикнет:

— Эх, ты куда? Это Катюшкина кучка—там на твои ноги не падай...

И при таком заключении Катюшко от счастья становилась язирко... А это значит, что, конечно, она падет на них в сойки, и вной кучке она может найти галоши на свою ногу.... И тогда от ужасной обиды и досады ей становилось холодно. Она начинала ворочаться, вы-

совывала голову из-под дерюжки, желая спросить у отца—может ли так быть, но, ничего не спросив, опять накрывалась с головой.

II

ЧЕРЕЗ ТРИ года на четвертый вернулась Катюшка в деревню. Дело было за неделю до трапезы.

Вечером в стадионную пору, отец Катюшки на скатой, пегой лошади подъехал к деревне и, раскланиваясь всем встречным, широко улыбаясь. В новой телеге на узлах сидела Катюшка, и тоже кланялась всем встречным.

При въезде в слободу стояли бабы, ожидающие стадо. Отец посмотрел на дочь, улыбнулся, и кивнув головой, к ней подошел и притронул погоночку к ее юбке и сказал: «ну их, мал, остановят тут на целый час с вопросами до расспросами... дома мати ждет; приходите домой с расспрашиванием».

А бабы, глядя вслед пыльящей телеге, открыли на тепленькую тему разговор:

— Ишь его, продышил—и остановиться не хочет!

— Что ж ему не лежит, ини его лежиша озимоты соколи—глаза, поида какую заметь, ведь она, что ни месяц, то черепашку ему.

А я гляжу—выгули много, а шерсти тут нет,—сама-то она бедно одета: плащник красный, плащник пестрое, а на ногах-то чуть ли не ланти.

— Нет! Это, похож, сандальи, а не ланти. Они, как ланти, только кожаные. А что красный плащ, так, ведь... она, говорит, комсомолка.

— Ах, вон, вон, комсомолка в красных ходите. Ну, а что видно, так это же в дорогу хорошо одевается. А ты, вот, дай-кося, она в церкви выпустила—ахинь, поди...

— Сама, говоришь—комсомолка, а в церкви? Комсомолки в церкви не ходят?

— Ну, это, може, в городах, а вон, на химки ходят.

— Ну, наши! Мало ли что наши. Нации не приемут!

— А чем не пример? А кто Игнату на лошадь набрал—не он?

— Как бы они самы догадались набрать, а те их научили в волости...

— Мало бы 'чего научили. А у Игнаты как лошадь пала в такую горячку—что ему делать? А они вон составили в волости бумагу, да с этой бумагой почтят, три недели ходили—на лошадь, на коня, на вола, на быка и охил. Нет, наши, комсомолки деловые. Аханки они не много, а так...—девки дельные...

А дельные девки сидели на Катюшки из самоваром и вперебой рассказывали и расспрашивали. Они еще до ее приезда со станции пришли к ней на крыльцо и дождались, пока она приведет. Их было четверо. Это были самые «отличные» девки в деревне и любимицы молодежи.

Уж известно, голубица! От которых ахалок хороший не ехал,—говорили они и хахалили. Но после случавшегося с Игнатом о них заговорили по-другому: старики. А сам Игнат, так тот, как выпьет,—прямо говорит:

— Вы, говорит, все скадеры поганые. Морду, говорит, вам, скадеры поганым, набью! Стекла, говорит, вам, мироздан, перебью, ежели вы будите добры, дроби! Девки—золото: кого хотят, на легких вынут, а вы им хант, скадеры поганые...

Да как разгузится, хотят святых поганые... со смехом рассказывали дедицам. Потом они переходят на свои нужды:

— Вся беда—представления у нас устраивают некому. Народный дом при волости открыли, а представлять некому.

Катюшка слушает их с радостной улыбкой и говорит:

— Ну, вот, мы и попробуем что-нибудь сыграть на Троицу. Мне как раз от фабричной яички комсомолка поручено кое-какую культурную работу провести—вот и устроим...

Девицы от радости залипали, загадали и, наконец, решили: с завтрашнего дня начать подготовку к спектаклю.

И всем недели до Троицы Катюшка была занятая делами...

А бабы, собираясь в конце слободы утром и вечером в стадионную пору, в передовицах

своей «живой газеты» смахивали элобидневскую тему:

... — Прямо невозможно—всех девок смущала. И что это она затеяла? И зачем это она с собой девок в болоте водит?

— Преставлены они были видиши, на Троицу хотят, чтобы все и ходить на репертичи, чтобы, значит, преставлены-то как следуешь вышла,—не забывайся что, значит.

— Да ты что,—преставленью-то эти они во время обедни устроить хотели,—я Даши спросила: «правда, мол, преставлень-то обедни будет? А она спрашивает: «а что, то что ахалки мы, говорят, бестолики, ежели во время обедни чортовы преставлены высаживать будут?» А я говорю: «тымы тебе не мешаем—ты к обедне наливай, а мы, говорят, на преставленья».

Нет! не в обедне. Это она тебе, похоже, со злости; я сама Катюшку пытала: «пойдешь, мол, Катюшку на Троицу и обедни-то, аль нет?» — «Нет, говорит не пойду»,—а сам так ласково улыбается; мне, говорит, некогда, потому что в народном доме лесники учились рассказывать, а вечером спектакля (преставлены, значит), а я говорит: должна присутствовать...

— А ласковая эта девка Катюшка—не как наши,—замечает кто-то.

— А спросила ты ее, какую же лексико-то? — Даши говорит—это расскаживать будут насчет того, что бога нет?

— Бога нет? А?—протянула несколько голосов.

— О, господи, госпази!. . Вот греховодница-то, а!..—крестится старуха и тут же добавляет:

— Лексико—это да ари, а вот преставленья-то, должно, конечно, я бы и то поглядел...

Девки преставлены антигресна,—ожицавшие заговорщицы бабы,—очень антигресно. Говорят, так будет: буржуи, которые богатые, и бедные, которые рабочие и крестьяне—воевать, драться прощему себе будут.

Драться?.. и позавтрапа??!

— Ну, похоже, понарашки, кто-ж повз-правди преставлять согласится.

— Да, а антигресно посмотреть, только не попасть туда. Говорят, билеты будут выдавать

после этой самой лекции,—кто, значит, на лекции—тот и на преставлены будет.

— Алкало, жалко, а то надо бы посмотреть,—с сожалением бабы чмокают языками, а кто-то утешает:

— Ну, ничего—мы Катюшку попросим, она нас там проведет...

И переливали они разговор до тех пор, пока вместе с облаками пыль с донца поднималася заглушающей их реч скита. А вечером в деревне, засыпающей в запахе тыхи и пирного молока, глядя на крымские две-три бабы в кине доказывают друг другу о Катюшке и ее затеях.

III

ПОГОДА на Троицу удалась—нельзя лучше: сухая, солнечная, тихая.

Часов в десять утра у Катюшки крыльца набрасовалось человек пятерых делать дени. Все они были в синих крапивенных нарядах и в ботинках с галошами. Глядя на них, Катюшка тихо улыбнулась, а перед отходом посоветовала:

— Вы, девочки, забегали бы домой да калоши-то сняли, ведь—сухо—дени солнечный и дождя, как видно, не будет,—зачем онъ?—

И девицы, проходя по деревне, забегали домой и оставляли галоши.

Бабы, отрываясь от стряны, выбегали в сени, на крыльцо и, глядя на них, начали головами:

— Вот греховодницы-то, а?—Кто к обедне, а они на лески!.. О, господи, господа!

В конце слободы собрались две-три бабы и стали перемыкать по kostochкам удаляющихся в поле дени. К ним подползла какая-то запасневшая старуха и, тыча пальком в поле, прошамкала:

— Отгропиши они боксы! Помните же слово: это им даром не пройдет, отгропиши!..

А «отгропиши» шел весселой гурьбой по полю и спущались к Катюшке в городке, о фабрике, о комсомоле и комсомольских спектаклях в фабричном клубе.

Весели и прости были рассказы ее, как вот этот ласковый день и как зеленющие по бокам дорог морозные, пышные всходы. И над ними вились песни птиц, и солнце жарко грело землю.

Среди разговора Катюшка вдруг предложила:

— А знаете, девочки,—вы бы разулись. Смотрите, какая жара, а из вас некоторых в шерстистых чулках,—ведь, вы все ноги спарите! Я в сандалиях, и то разузы: хочется босой прокатиться.

— Она свернула с дороги и села на между разузыться. Девицы сели вместе с ней, разулись и все пошли босыми.

— Не разузы одна только девочка лет четырнадцати, ее сестричка Манька Злынченко. Полузадорки с очень потертными галошами досталася ей, вероятно, от Маньки. И хотя она обудилась в них постольку шерстянику чулку, они были ей все-таки очень велики. В длинном по пятки платье она хотела казаться большой, высокой,—и шла все время, вышримывая и вытигивая голову. Форсито выбрасывала вперед ноги и боясь замыкать галоши, она часто шаркала ими по траве.

Катюшка заметила это, улыбнулась, и долго с застывшей улыбкой и загуманными глазами смотрела куда-то вдалек. Потом подошла к Ли-зутке, обняла ее и, с чего-то разговаривая, свернула с нее в сторону.

— Мы вас догоним, идите!—крикнула она девицам.

Через минуту они догнали их. Лизутка несла в руках свою полузадорку и, поглядывая на ее босые ноги, сконфуженно смеялась.

— Ну, вот так-то лучше,—подбегая и смеясь, говорила Катюшка.

— Ведь, правда—босыми лучше?

— Конечно, лучше,—согласилась Даши, да это мы надоели нам разутыми ходить, вот мы ради праздника и решили ногам бандиты...

Девицы засмеялись и сквозь смех одна зачикала:

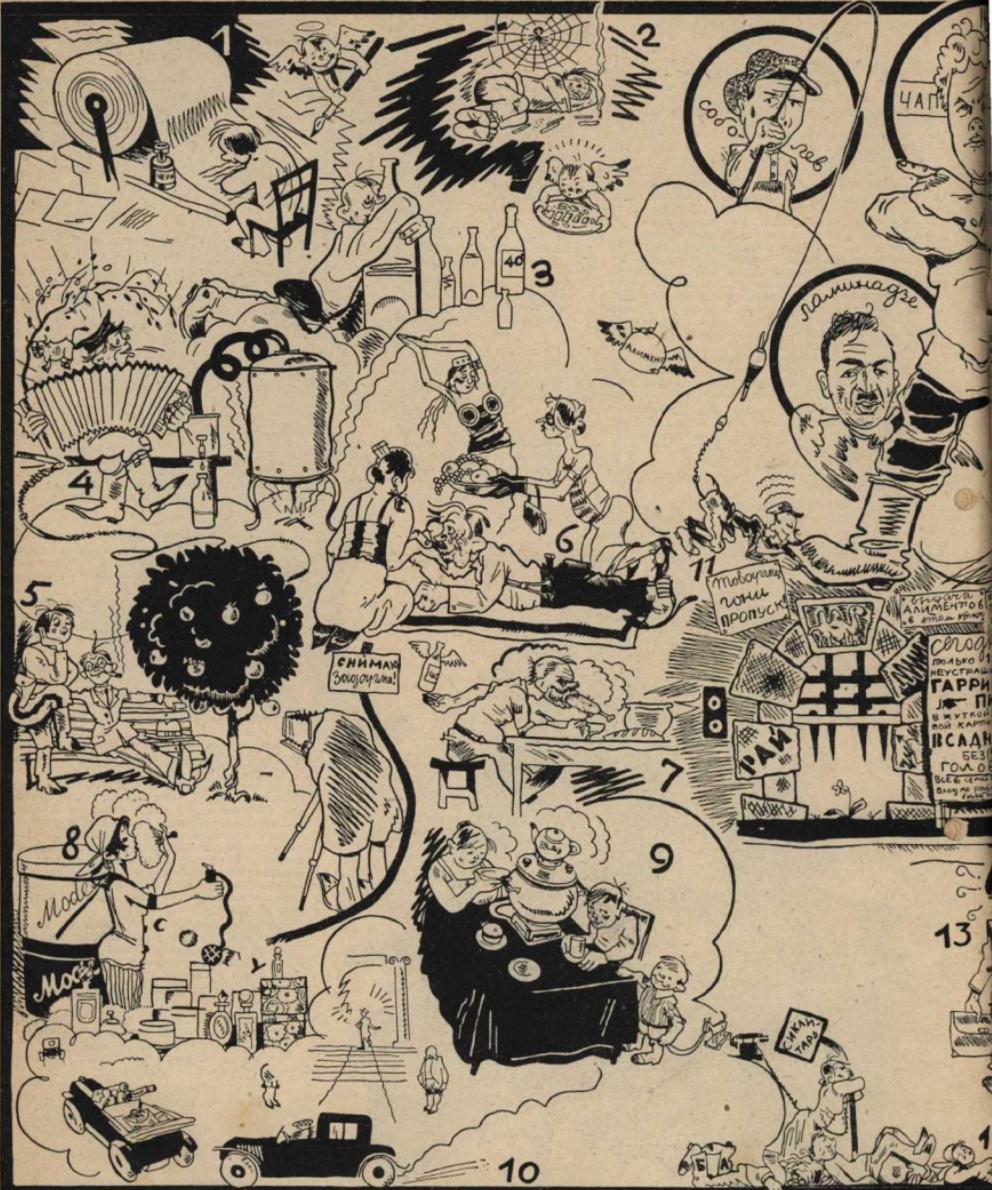
— Девушки! Глязите, а неда, ребята не обманули—молоды! Глядите, догоняют—штаны за драпли и бегут. Давайте побежим и мы—пускай, догоняют!..

— Давайте, давайте!!—закричали все и пустились бежать с визгом и смехом.

И смех их, наперспор с веселым днем, звучел по полям.

Минуту спустя Лизутка несла в руках свой полузаражки...

СТРАШНЫЙ СУД

(Объяснения для экскурсантов, осматривающих эту картину).

На этой картине, дорогие товарищи, талантливым карандашом Б. Сутеева изображен, в на-

зидании малым сим, комсомольский рай, ал и чи стилице. Подойдите же, товариши, к этой картины с трепетом и смиренiem и рассмотрите ее прислеше. Во-первых, взгляните на самый верх картины и вы узрите всю благость и мудрость выших сфер в лице непреклонного Чаплина,

пылкого Ломинадзе, проницательного Мильчика, строгого Матвеева и нелогоримого Соболева. Проникнувшись достодолжкимуважением к сим избранным, опустите ваши взор туда, где праведные души вкушают заслуженное блаженство Се-рай!

Увы, узка тропа в него, но велико счастье попавших.

Взглядите на яростного разобличителя «спящих охран труда» (1), не испытывающего (на конец-то!) недостатка в средствах производства, или на человека, который получил право на

беспрепятственное жить в грязи (2), не боящегося никаких санкций. А вот (3) активист, имеющий возможность отдохнуть и поразлечиться, а вот и (4) деревенский доблестный активист, чье жизнь страшнавшийся согреться с делом и награжденный за это поддергивание от дла-

беспрепятственное жить в грязи (2), не боящегося никаких санкций. А вот (3) активист, имеющий возможность отдохнуть и поразлечиться, а вот и (4) деревенский доблестный активист, чье жизнь страшнавшийся согреться с делом и награжденный за это поддергивание от дла-

самогонным аппаратом и гармошкой. Остановите

ваши взор и на франте (5), получившим возможность одеваться по самой последней рабской моде, а также на франтике освободившейся, наконец, от мещанской женственности. А вот,

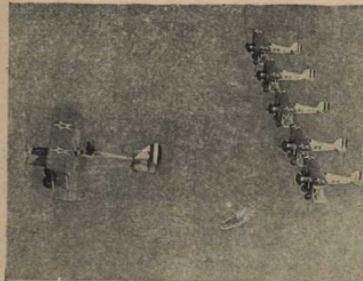
(Окончание на след. странице)

ФОТО-ЭКРАН

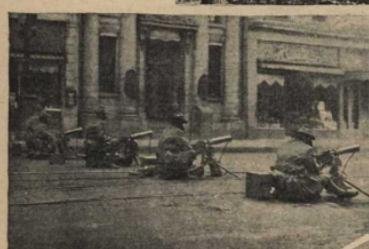
ЛИЦО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ АМЕРИКИ

«РАЗОРУЖАЮЩАЯСЯ» АМЕРИКА: эскадрилья морских аэропланов в боевом построении во время полетной практики на морской аэро-станции Сан-Педро в Калифорнии. Замечательная идеальная слаженность пилотов: машины идут как по линейке

СЛЕВА: ТОЛО НЕГРЫ, преданного суду Линча за неэтическое поведение с белой женщиной. В «свободной» Америке, особенно в южных штатах, «невра расценивают не выше чем чайка, чтобы уничтожить оскорбителя белой элиты» вооруженная толпа отбила ее у полиции и тут же линчевала. (Январь года)

СПРАВА: МЕСТЬ КУ-КЛУК-КЛАНА: здесь изображена сцена на посторон Берклиской церкви в Петройте (штат Мичиган) —

Ван-Лоэн, который не позадал исполнить приказной мештры Ю-Каук-Клан. За это он был пожизненно подвергнут в течение 22 дней истязаниям и получил украшение на спину в виде трех К, выжженных раскаленным железом.

АМЕРИКАНСКИЕ ВЛАСТИ не задумываются применять любые меры, чтобы обеспечить тышину и спокойствие. На этом снимке изображены пулеметы, которыми были заняты глав-

ные улицы города Лексингтона (Кентукки), чтобы помешать рабочим демонстрировать пройти, где ей вздумается. (Февраль 1926)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ ОЧЕРКИ КАВКАЗА, КРЫМА, ВОЛГИ, УРАЛА И ДР. ЭТИ ОЧЕРКИ ПОМОГУТ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ НАЙТИСЬ ОРГАНИЗОВАТЬ СВОЙ ЛЕТНИЙ ОТДЫХ.

ОЧЕРКИ О ВОСТОКЕ ТОЖЕ БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ.

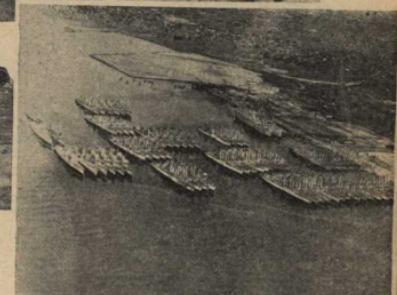
В АНТРАЦИТОВЫХ КОЛБАХ Пенсильвании, в центре угольного района, уже сейчас ведется стачка 160,000 углеродов под знаменем «рабочей платы... на то 1/6». Несмотря на лишения, углероды не намерены «двигаться». На нашем снимке изображен бесплатная бастующая для детей бастующих, организованная стачечным комитетом (enfuz).

РАДИО ПРИМЕНЯЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ: это слишком могущественным средством, чтобы не использовать его для религии. В этом складывается единство веры всех верно-преданных. На снимке изображен русский протоиерей Сакович, которому Американское Библейское Общество охотно предоставило возможность получать радиограммы и помощь широковещательной радиостанции города Сан-Франциско (enfuz).

НОВЫЕ ТАНКИ, испытываемые военным департаментом на опытном поле, под Нью-Йорком.

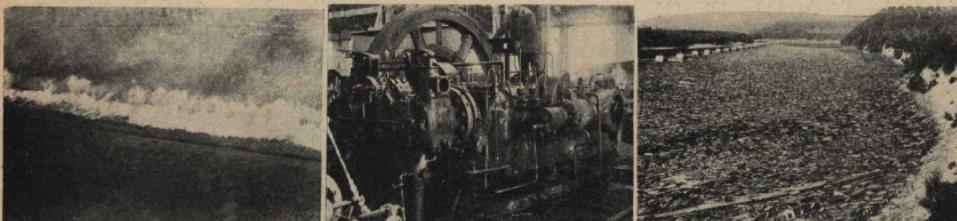

ВВЕРХУ: ОХРАНА АМЕРИКАНСКИХ БЕРЕГОВ: это воздушный снимок базы миноносцев американского флота в Сан-Диего (Калифорния). Он хорошо показывает, как «разоружаются» миролюбивые Соединенные Штаты.

СПРАВА: «ОДИН ПРОМАХ НА 2500 ВЫСТРЕЛОВ»: новый национальный герой, семнадцатилетний американский школьник, положивший в центр мишени 2499 пуль из 2500 выстрелов. Стрельба производилась в течение шести с половиной часов подряд из мелкокалиберной винтовки, лежа, на дистанции 50 футов от мишени, имеющей центр диаметром меньше 2 дюймов. В Америке не забывают, что мяткий стрелок нужен стране!

ЭТА ДИАГРАММА помогает представить сравниваемую величину групп населения СССР. Она показывает, что крестьяне-середняки и крестьянская беднота значительно больше всех остальных групп.

РАЗВИТИЕ НАШЕЙ ИНДУСТРИИ идет по следующим направлениям: производство машин и орудий, развитие химической промышленности, мусорных советских заводами (в середине), применение газов в сельском хозяйстве (газовое облако, пущенное с аэроплана на поле для уничтожения вредителей) (слева) и сплав леса на реке Сухоне (справа).

можно думать, станет на очередь в ряде важнейших стран (если не раньше). С другой стороны, мы расскажем таким образом за этот период большую часть деревенской бедноты, около трех четвертей ее, — и это на основе промышленного занятия — а также членов семьи, которые будут поставлены за время насаждением колхозного землевладения (тракторы и молоток) поднять до середицкого уровня. Индустриализация СССР даже тем скромным темпом, каким нам пока доступен (среднее ежегодное повышение размера процента некрестьянского населения менее чем на десятую часть его величины) — означает почти полное уничтожение этого позора и бедствия, какое оставил нам старая Россия, в виде прямой официальной принадлежности около трети населения страны к полуиниции («бедноты»).

Сердцем работы по индустриализации к пролетариату и рабочему классу становятся новые грядущие массы, которые будут пополнять ряды индустриального населения. Она все более будет выдвигаться на первый план. Поэтому мы более подробно и остановились на вопросе об индустриализации в целом, и лишь кратко указаем на две специальные значения этого понятия — в смысле роста промышленности (особенно крупной) и в смысле индустриализации самого сельского хозяйства.

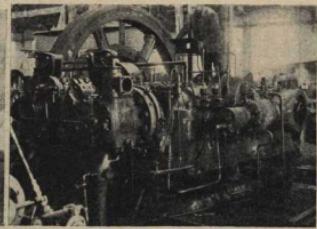
Программа индустриализации в узком смысле, т.-е. развитие крупной государственной промышленности, идея по четырем направлениям. Во-первых, развитие производства в СССР машины и орудия для производства до оружия и вооружения. Во-вторых, развитие отраслей, каких, — как химические, — почти отсутствовали в некоторых важнейших своих азы, но имело большое значение, особенно ввиду того периода бурь и борьбы, через какой земному шару предстоит еще пройти на пути к полному поражению капитализма. В-третьих, развитие использования грядущих природных богатств СССР (руда, металла, нефть, лес и т. д.), которые должны послужить также одним из существенных орудий для укрепления и шага положения по отношению к внешнему миру. В-чет-

вертых, создание «новой энергетики», т.-е. более научного, более целесообразного и более выгодного снабжения страны механической энергией, необходимой для приведения в движение наших заводов, железных дорог, тракторов и т. д. Это означает, как всяко понятно, прежде всего осуществление на деле заявленной нам Владимиром Ильиным электрификации Советской страны.

Индустриализация самого сельского хозяйства уже начинается и все определенное намечается в трех направлениях. Во-первых, связь сельского хозяйства с промышленными предприятиями по первичной обработке продуктов земледелия и животноводства (заводы сахарные, маслобойные, бетонные, лыткарские, хлопковые, растительных масел, чайные и т. д.). Эти предприятия подтягивают к себе окружающее сельскохозяйственное население, руководя

работами культурыми бактерий, применение аэро-планов для всевременного вызывания дождей и проч., все это будет применяться у нас в быстро возрастающем темпе, и все это совершенно изменит самый тип сельского хозяйства.

В связи с этим стоит и третий пункт — организация национализации сельского хозяйства по образцу фабрик. При диктатуре пролетариата тракторы и паровые молотилки уже не будут в руках богачей орудиями эксплуатации бедняков, как при капитализме. У нас тракторы, паровые молотилки и пр. будут орудием кооперативного объединения крестьян, средством и путем перехода их к колхозным, товарищеским формам ведения сельского хозяйства. Место отдельного собственника «своей» сохи займет работник коллектива, где не в его распоряжении, а в распоряжении коллектива

ИНДУСТИРИАЛИЗАЦИЯ СССР: эта диаграмма показывает, как современниками будущее увеличивается количество пролетариата за счет уменьшения крестьянства. К 1940 году разница в величине между этими группами почти уничтожается.

дят фактически его «хозяйством», направляют его, превращают в свое дополнение, связывая через себя с рынком и государством.

Во-вторых, машинизация самого сельского хозяйства. Кое-что у нас уже начинает появляться — тракторы, паровые молотилки, электрические плуги и т. д. Кое-что пока еще в будущем, как, например, распространяющееся уже за границей электрическое доение коров, обогащение почвы некоторыми важными для ее плодо-

ИНДУСТИРИАЛИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА будет, прежде всего машинизацией его. Трактор и многослойный плуг заменят ложью с сохой.

находится и трактор и молотилка, и он только получает соответственное вознаграждение за потраченную рабочую силу, согласно установленному расчёту. Через 15 лет советскую деревню нельзя будет узнать не только по внешнему виду ее оборудования (самое выражение «крестьянин от сюда» станет смешным перекличкой древних), но и по самому типу ее хозяйства и связи его с хозяйством страны в целом. Индустриализация деревни в этом смысле означает не что иное, как поставить ее на рельсы Социализма — впереди и навсегда.

ПУШКАРЬ

Грустно задумался старый пушкарь
И дума его ядо. Ядро.
Катится глухо и щелчет: ударь.
И манит и блещет пестро.

Он ждет — но не долго ли?
О сыновьях
Он вспоминает, — было их шесть.—
И все они пали на русских полях
За родину чью-то и честь.

Сегодня он хочет товарищей ждать.
Скринит неуклюжая дверь.
Входят они и садятся считать,
Сколько в их сердце потерп.

Не хоят, и не рубин хранят
Мечты их. Что золото — прах!
Люта исканье буйство и яд
Гулят в широких грудях.

Мимо проносятся прошлые дни

И слышно за полночь порой:

В дружбе до гроба клянутся они.

Сияя же склоняется к земле.

Расходится поздно.

И ничего

Не видят, не слышно извне —

Спит он.

Несносно терзает его

Хозяйское счастье во сне.

Он ждал и дождался.

Время, пушкарь!

Все прошлое — горькая быль.

В старое сердце лисуя ударь

Давно в нем мерцае фитиль!

Сказки:

«Мое сердце, ты будешь гореть!

Как мало горело сердц!

Дай же у пушек на мир замергет,

И грехнув, взорвясь, наконец!..

Мих. Голодный

ЧЕРНОСОТЕНЕЦ О РЕВОЛЮЦИИ

(К 9-ЛЕТИЮ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ)

Из книги «Дни» В. В. ШУЛЬГИНА, одного из вождей монархизма, б. члена Государственной думы и редактора погромной газеты «Киевлянин»

Снимки по материалам МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ СССР

Я НЕ ЗНАЮ, как это случилось... Я не могу припомнить... Я помню уже то мгновение, когда черно-серая гуща, прессы в дверях, непрерывным врывающимся потоком затопляла думу...

Солдаты, рабочие, студенты, интеллигенты, просто люди... Живым, взязким человеческим повидлом они залили растрепанный Таврический дворец, залепили зал за залом, комнату за комнатой, помещение за помещением...

ВВЕРХУ: ЛЕТУЧИЙ ОТРЯД РЕВОЛЮЦИИ: милиционеры и солдаты на автомобиле.

ВНИЗУ: ДЕМОНСТРАЦИЯ ЖЕНЩИН в первые дни Революции.

С первого же мгновения этого потопа, отвращение залило мою душу, и с тех пор оно не оставляло меня во всю длительность «великой» русской революции.

Бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водопровода бросала в думу все новые и новые лица... Но сколько их ни было — у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злобное...

Боже, как это было гадко... Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал

в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство.

— Пулеметов.

Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя...

Увы — этот зверь был... Его Величество русский народ...

То, чего мы так боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась...

СЛЕВА — ПОБЕДИВШИЙ НАРОД: разбрасывание первых листовок о перевороте.

СПРАВА: УЛИЧНЫЕ БОИ В ПЕТРОГРАДЕ — баррикады на Питейном проспекте.

ВВЕРХУ — ПОСЛЕДНИЕ ЗАЩИТНИКИ ПРЕСТОЛА: пойманных переходных городовых отправляют под конвоем милиционеров в Думу.

ВНИЗУ — ОКОЛО ШТАБА РЕВОЛЮЦИИ: манифестация у Таврического дворца в том день, когда стало известно, что власть перешла к Временному комитету Гос. думы.

ВЕСТИНИКИ РЕВОЛЮЦИИ: приказы и листовки Февраля.

О Б Ы Т Е

Анкета «СМЕНЫ»

A. B. Залкин

XIV степ ВИСП (5) поставил перед комсомолом задачу упорядочения быта молодежи. Эта задача неотъемлема без юношеского и девушеского изучения теперешнего состояния быта молодежи. Редакция обратилась к ряду товарищам со следующим вопросом:

«Какие отрицательные явления в быту молодежи, по вашему мнению, вызываются современной обстановкой, и какие формы борьбы с ними можно предложить?»

Ниже мы помещаем ответы т.м. Смидовича и Залкинда. Мы надеемся на враждебные отзывы читателей, в первую очередь, сообщением фактов из бытия молодежи. Все сообщения, запросы и мнения читателей будут в той или иной форме использованы на страницах «Смены».

ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ СТОРОНАХ В БЫТУ МОЛОДЕЖИ, ВЫЗЫВАЕМЫХ СОВРЕМЕННОЙ ОБСТАНОВКОЙ, И О ФОРМАХ БОРЬБЫ С НИМИ

КОТРИЦАТЕЛЬНЫМ сторонам быта нашей молодежи, связанным с нашим переходным временем, следует отнести все то, что связано с разрушением здоровья молодого поколения.

Вот, например, выпивка. У молодежи существует убеждение, что если не напиваешься, а немножко выпить в веселой компании, то это никакого вреда не принесет. Между тем это совершенно неправильно. Алкоголь вреден, в каком бы количестве его ни потребляли. Чтобы сплохнуть в здоровых людей, продолжать дело старшего поколения и оставить после себя здоровое потомство, молодежь должна быть, безусловно, трезвой.

Злоупотребление спиртными напитками приводит ко всяkim нехорошим вещам. Человек разлагается, перестает владеть собой и может натворить много глупостей. Взять хотя бы случаи, когда парень в пьяном виде заикался нехорошей болезнью. Разве этого не бывает с нашей молодежью?

Вредна для молодого организма и слишком рано начатая половая жизнь.

А это явление характерно для быта нашей молодежи. Тут мы встречаемся с двумя уклонами: в 18—19 лет парень и девушка сблизаются семьей и стремятся к своему уюту и семейной обособленности, понемножку они отходят от товарищеской среды и потихоньку превращаются в обычных людей. Другая крайность,—это когда парень не желает связывать своей свободы, предается половой распущенности, меняя кратковременные связи, в результате которых получаются аборты и калечение женского организма, — а то и хилье дети, да еще и оставляемые на произвол судьбы.

Молодежь должна быть своевременно осведомлена о всех вредных последствиях слишком ранних браков. Правильно поставленное образование и воспитание в этой области — физкультура, коньки, лыжи и другие виды спорта,—все это должно войти в обход молодежи, однозначно ее, делать ее устойчивее и жизнерадостнее.

Отношение к женщине, как к самке, а не как к другу, товарищу, вносит также характерную черту в быт нашей молодежи. Такое мещанское отношение к женщине, заимствованное от старого времени, ничего общего не имеет с новым бытом. Представительница женской части молодежи должны об явить самую решительную борьбу мещанскоему подходу к женщине со стороны своих товарищей.

Как отрицательную сторону в быту передовой части нашей молодежи, я отмечаю также и то, что она не умеет жить и работать культурно — организованно. С ранней юности получается переутомление нервной системы и подорванность всего организма. Все это скажется в зрелом возрасте, когда жизнь потребует от сложившегося человека еще большей работы и ответственности.

Переутомленные в юности нервы могут потом сказать в упадочных настроениях, в неверии в торжество революции, в нежелании работать и даже жить. Внимательно должна поэтому молодежь относиться к распределению своей работы и отдыха, а главное, определенное количество в сутки отдавать сну. Нужно суметь сорганизовать свою жизнь так, чтобы в ней не было расхлопаний,траты времени зря, тогда будет больше времени для разумного, восстанавливавшего силы отдыха. В большинстве случаев мы сами виноваты в том, что не умеем найти времени для сна и отдыха. С юношеского возраста надо научиться не только работать, но и отдыхать.

Вопрос о переутомлении молодежи настолько важный вопрос, что его надо самым тщательным образом и всесторонне изучать. Недопустимые вещи в этом отношении происходят у нас в школах II ступени и в вузах, где нередко бывает по семи уроков в день, а время зачетов мало чем отличается по интенсивности работы от экзаменов в старой школе. Во многих буржуазных странах в школах бывает день отдыха посреди недели, а наступают в смысле учебы учащиеся не меньше, чем у нас. Количеством и качеством знаний вовсе не зависит от количества часов, проведенных за занятиями, а от разумного их использования. Надо научить молодежь, как приобретать знания, не переутомляясь.

Забота о здоровье, организованности, дисциплинированности нашей молодежи должна быть положена в основу всей работы с молодежью и для молодежи. Наша молодежь должна быть жизнерадостна. Не преждевременные старцы, удрученные временем, доделают дело отцов, а здоровая юность, не только не разраставшая запас природных сил, но и накопившая их путем разумной организованной жизни.

Забота о такой жизнерадостной молодежи, хорошо понимающей стоящие перед ней задачи и свою огромную роль в их выполнении теперь и в будущем,—эта забота до значительной степени лежит в основе работы органов партийного и советского строительства. Ясно, что мы еще слишком бедны, чтобы сказать, что в этой области у нас все обстоит благополучно. Год от года развивается наша социалистическая промышленность, мы будем подводить единственно крепкий фундамент под осуществление поставленной задачи.

Р. Смидович

ОТВЕТ НА АНКЕТУ

СЖАТОВ анкетном порядке, ответить на поставленный вопрос очень трудно. Во-первых, нет возможности говорить об отрицательных сторонах, которые, конечно, не меньше, чем первых. Во-вторых, нельзя говорить об отрицательных сторонах не

“ВРЕМЯ—ДЕНЬГИ”

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ, снимки ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ТРУДА НКТ.

ДОСТИЖЕНИЯ МОСКОВСКОГО ПОЧТАМТА.

В октябре 1925 г. Надгробочист создал на почте особую организованную станцию, в задачи которой входила рационализация, общее улучшение работы почтамта.

Свою деятельность станция начала с обследования 5-й экспедиции почтамта, ведающей, между прочим, доставкой писем по Москве.

В работе по рационализации уже имеются значительные достижения.

Так, раньше вскрытие мешков с заказанными отправлениями, сортировка их и т. п., в час давали 1.035 разобранных отправлений, теперь в 24 мин. включая время для отправления. Прохождение первого от момента вскрытия мешков до момента выдачи писем заняло ранее 3 часа, теперь—5 мин. Прежде в работниках не могли перечелывать письма, теперь же они могут доставлять в сумме больше 3.000 переводов, а к концу декабря теми же работниками пересчитывалось по 15.000 переводов. Работа по рационализации позволила несколько сократить штат, уничтожить имеющиеся запасы, изменив

Покосился на стол
Опять схватил.

— Чтобы тебе! Вот за-
простынился!

Положил часы и ла-
вой разбрзгаться в кучу
инструментов на столе.

Тогда у него ско-
чесалась я тебя к сто-
ронке отложу — он от-
кладывает отвертку на
самый край стола.

Через пять минут:
«Где отвертка?» — Мастер
неизменно столкнулся ее на
пол.

Тикают часы, отби-
вают минуты... Пропа-
дают они у часописца,
у токаря, ткача, крадут
труд и силы у рабочего.

Журналист макает и
стрижет перо, часо-
вой мастер разбросывает
по столу инструменты
в поисках нужной ему
отвертки... А минуты
идут...

Хорошо это или
плохо?

— Что плохо?

— А вот то самое—
еминуты идут.

Сделаеме простень-
кую задачку по арифметике:

Дано: рабфаковец ра-
ботает (пишет чернилами) 3 часа в сутки,
300 дней в году; каждый
час он макает перо в
чернильницу 60 раз на
стрижание лиши и
черпил требуется 1 се-
кунда на разбор. Требу-
ется узнать: сколько пре-
ремен рабфаковец истра-
тил на стриживание чер-
нил в течение года.

Что такое ваше тело?

Механизм, и притом, весьма сложно устроен-
ный, целый коллектив механизмов двигателей.
Механизм — чрезвычайно нежный и хрупкий.

Всякая работа требует затраты определен-
ного количества энергии. Чем больше из затра-
ченной энергии удается перевести в полезную
работу, тем, понятно, это выгоднее. Так
справляет человек на работу всякой машиной двига-
телей; и тогда должен он смотреть на самого
себя.

Наше тело — механизм-двигатель; топливо —

«Что ж — если не все топливо — еда перейдет
в полезную работу если не хватит топлива для
этой работы — с едой побольше и дело в шляпе —
успокоится и на себя...»

Ошибочка!

Двигатель изнашивается от работы и
ваше тело точно так же. И была ли эта работа
производительна, или она заключалась в стра-
хивании лишних чернил с пера — тело-механизм
все равно страдает.

Да еще если бы только линия усталость,
только зря потраченное время!

Вы слыхали что-нибудь об «сладких профессиях». о том, что некоторые профессии нередко можно узнать,
член занимается этой профессией только посмотрев на голого человека (в башне, например). Но можно нередко по скелету сказать, был ли этот челове-
к в котиронном или портном. У портного
крыши ноги, у котироника — искривлен позво-
ночник.

Это нормально? Конечно — нет. Эти «сладких профессий» у контироника (да и всякого человека помногу пишущего у стола) — результат... неумения работать. Попросту — неумение сидеть по время работы.

— Но, ведь позвоночник кривит слабо, сна-
ружу на живом человеке незаметно... — утешаете
мы себя. — Не велика беда.

— Так ли?

Позвоночник кривит, это вызывает перека-
зывание рудной клетки а затем — и не совсем
правильное название. Ослабляется работа легких.
Слабеет организм. Лишний шанс — получить губ-
рекулез. Один «пустячок» цепляется за дру-
гой, а результат?

НАХОЖДЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО СПОСОБА РАБОТЫ — очень
сложное дело, требующее специальных исследований. Его результатом
должно быть систематическое сокращение и наибольшая производительность
работы, и максимальная дешевизна изделия, и наименьшая затраты сил
рабочего. Наши снимки представляют положение костей человека при
работе по копке земли, исследованной ЦИИТом.

С КОРЕЙ. Номер стенгазеты выйдет завтра.

Доставь статью сегодня вечером.

Статья появится дома...

Дом... Сдела... Подумал... Заскричал...

Чернила в чернильнице на дверце — слово —

другое напишешь, и опять макай...

Надоело — только и делай, что суй перо
в чернильнице...

Написал чернилами до краев.

— Теперь уж не так часто макать придется, —
думает — строки на два сразу наберу.

Бан! Огромная клякса. Промажал перо... опять. Всю страницу
изнагадал, — и снова письмо.

— Шапашь. Я — хитрый. — обмакнул перо,
стражнул линии.

Обмакнет стражняк, напишет строку и...
снова макай, снова стражняк. А увлечется, за-
будет стражняк...

А что дальше? Подходите — все в свое время.

Часовой мастер. В глазу — увеличительное
стекло-луна. Сидит, пригнулся и ковыряется в часах, что мы

не умеем
работать.

Не гляя, протянул руку, схватил какую-то
отвертку, сунул в часы.

— Не та.

РАБОТА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ТРУДА — при исследовании движений
рабочего большую помощь оказывает кино, так как заснятые фильмы можно проекти-
ровать на экране с любой скоростью, произвольно замедляя темп исследуемого процесса.

На кадре фотографии изображена киносъемка рубки земли.

Только неумение сидеть и писать за столом и угроза туберкулезом.

А туберкулез не пустяки.

Итак, передко неумение работать точнее: вести себя во время работы может привести к опасности на нашем здоровье. Даже и в тех случаях, когда работы в нашем Кодексе Труда в раздробленном виде, работой опасных для здоровья, не значатся.

Теперь дальше.

«Время деньги» — кричат американцы. Ка-жда секунда стоит денег.

Представьте себе, какая цифра получится при таком допущении: мы имеем в наше время 40 миллионов работающих мужчин и женщин. Пусть каждый из них из-за нежелания работать, теряет только 5 минут в день, т. е. около 25 часов в год. Всего это составляет за год около 120 миллионов рабочих дней, и если мы возьмем средний заработок только 1 рубль, в день, то и это составит 120 миллионов рублей, 5 минут и день — пустяки, что вышло?

Кто потерял эти миллионы? Ни каждого работавшего приходится только 1 рубль в год. Пустяки.

Нет. Он потерял больше чем 1 рубль.

Он потерял не только свой заработок, но и все то, что ему дала бы наш Союз на эти 120 миллионов рублей — лишнюю школу в деревне, лишний кредит на покупку с-х. машины, лишнюю праву в больнице, лишнюю книгу в санатории или доме отдыха, лишнюю книгу или газету в клубе или изб-читальни и т. д. и т. п.

Человек — машина.

Представьте же к работающему человеку те же самые требования, что мы предъявляем к машине: не чего либо, только и не обходимо. Удовлетворяя, работающий человек, это не забывает? Нет, и тысячу раз нет. Мы бояемся, мы ухищряемся за нашими машинами. А человек — ведь эта машина куда нежнее любого двигателя. Вы поставите динамо как попало? Нет. А человек во время работы стоит или сидит как попало. Страдает и сама машина-человек, страдает производительность, страдает в результате все государство...

Где выход?

Надо научиться работать, нужно стремиться к тому, чтобы из наименшей затраты спечь получать наибольшую продукцию.

В самом процессе работы мы учимся многому экономии: наши движения отбрасываем — все лишнее. Но такое кустарное самообучение — плохое разрешение вопроса. Во первых, когда-то это выучились. А, во-вторых, выучились только части, и притом — небольшой.

Нужна научная разработка вопроса, нужна изучить все те движения, — а ведь любая работа сводится к ним, — которые мы делаем при той или

выгодном: одним словом, какова должна быть Научная Организация Труда (НОТ).

Это сложная и нелегкая работа. Она ведется в специальных научных учреждениях. У нас таких явлений является Центральный Институт Труда (Ц. И. Т.).

Большое количество вопросов возникает при исследовании той или иной работы. Все играет здесь роль: kostь, синевение, температура помещения, как расположены инструменты на верстаке, как поставлен стул у стола... Бездна мелочей! Всякая из этих мелочей может быть, только детали секунды, но итоги огромны. Сотни тысяч рабочих дней в течение года. Миллионы рублей. Нужно найти эти доли секунды, нужно сберечь миллионы. Нам в ССР это нужно, где где либо.

Присмотритесь к пишущей машинке. Все те

КЛАВИАТУРА ПИШУЩЕЙ МАШИНКИ — блестящий пример спортивности к экономии движений. Наша задача — упростить позиции букв, расположенных близко к середине клавиатуры, неподвижно под формой самых сильных пальцев. Экономия движений здесь будет видна, если вспомнить, что машинистка делает около 900 ударов в минуту.

иной работе разложить эти движения на составные части (я взял молоток — здесь ряд движений: прогибание руки к молотку, хватание его и т. д.) и выяснить — какие движения действительно необходимы, какие излишни. Вспомнить, практически ли делается то или иное движение нельзя ли его заменить другим, более

буквы, которые встречаются чаще, у нее поменьше по времени. Почему? Чтобы пальцы машинистки не делали лишнего движения. Вот образец соответствия обстановки работы с самой работой.

Человек — машина. Сложная, дорогая машина. Мы требуем от машины максимума работы в единицу времени, с одной стороны, мы забываемся, чтобы наша машина не изнашивалась от работы, от неумелого своего обращения. Работа человека — это машина. Для того, чтобы сберечь эту машину для того, чтобы она работала хорошо, нужно, чтобы работа протекала не как попало. Есть законы механизмов, которые нельзя нарушать безнаказанно. Мы постоянно нарушаем эти законы и платимся за это. Платим: излишней утомляемостью, излишней тратой времени, профессиональными заболеваниями. Это — дорогая плата.

Работающий человек — машина. Смотрите на него как на машину, измеряйте каждое его рабочее движение, так жеательно, как вы вымеряете часы, изобретите аэропланы. Отбрасывайте излишнее, заменяйте более сложные движения более простыми. Установите эту машину точно так, как это полагается, заборите о том, чтобы она не портилась от внешней обстановки (вы не

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА, чтобы учить движение при какой-нибудь работе, на руки рабочего надеваются для маленьких лапочек, «специальные чехлы», — сказали кружку. На фотографической пластинке эти лапочки оставляют след движений, в виде пунктирной линии. Сматривая сколько движений разных требовалось, чтобы уложить почку диагонально в кружок. (Верхний снимок)

ВНИЗУ — ЧИСМОМ ТОВАРИЩЕ РАБОТЫ на месте того, как инструктор устроил все линии или нововоды движения. Смотри сколько движений разных требовалось, чтобы уложить почку диагонально в кружок. (Верхний снимок)

бросите мотор ржаветь под ложем с человеком дороже мотора). Вот задачи НОТ и ЦИТ.

— Но это скучно — превращаться хотя бы временно в машину. Это наивно и очень утомительно — возвратить мы

— Ошибаетесь. Именно такая, научно-организованная и воспитанная, работа и является более легкой. Вы будете больше делать и меньше уставать. Вы будете меньше болеть. Вы будете дольше жить наконец. Разве вы не хотите всего этого?

ГРУППА БЛИЗНЕЦОВ, у которых родовое сходство проявилось особенно ярко в силу их одновременного заражения

МОЖНО ЛИ УЛУЧШИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ПОРОДУ?

В С М У Р, снимки по материалам ГОС. МУзея социальной гигиены НКЗ

ПРЕДСТАВЬТЕ представить — семейство Юкке со всем потомством за 75 лет: 870 человек. Из них—200 воров и убийц, 280 слепых, идиотов и чахлочных, 90 проституток и 300 покойников в раннем детском возрасте. Покойники покоятся, а живые размножаются в той же пропорции, как их отцы и деды...

Бот другая парочка родов, открытых доктором Иогером в Швейцарском горном округе Бернау: род Зеро и род Маркус. Родоначальники этого последнего, Авраам Маркус, родился в 1807 г. и умер в 1888 году. За 100 лет существования этих двух родов сменились режимы, сменились периоды экономического упадка и расцвета, безработицы и невхватки рук, войны и мира, а они все неизменно—или уроды, или жильцы на свете, преступники и только. Хороша компания!—Но, быть может, только роды Юкке, Маркус и Зеро счастливцы, а другие негодные члены человеческой породы того же качества всетаки вымирают, и человечество от них избавляется.

Спросим «спеца» по этой части Ка-ра-фа Корбут, который долго занимался вопросом о том, кто лучше размножается — более ценные представители человеческого рода или менее ценные. Ответ такой: в Англии и Дании,

например, плодовитость семей, отягченных туберкулезом, глухотой и душевными болезнями, значительно выше плодовитости здоровых семей.

ПРОДУКТ ВЫРОЖДЕНИЯ: идент из семьи альвеоликов, которая на протяжении трех поколений дала склонность к нормальному потомству

Так, может быть, это только за последние 100 лет? А раньше дело обстояло лучше? И этого нет... Еще Аристотель заметил, что потомки талантливых людей и немногочисленны и часто вырождаются до состояния глупцов, или помещаний. А по наблюдениям врачей—чем больше развивается цивилизация, тем чаще и чаще замечается случаи глубокого вырождения человечества. Это верно,—значит?

Значит, вырождение человечества налицо. Человеческая порода ухудшается так же быстро, как и разивается ее культура. Пора принимать меры.

Но есть ли такие меры? В чем они? Есть: в борьбе с социальными условиями жизни трудающихся и борьбе с вредной наследственностью. Борьба за изменение социальных условий жизни ведется организованным рабочим классом на основе учения Маркса и Ленина. Как вести борьбу со вторым злом—послушаем биологов и врачей.

Не нужно очень присматриваться к окружающим нас людям, чтобы увидеть, насколько они разнообразны. В спорте, в играх—всегда одни выдаются своей силой, ловкостью и проворством, тогда как другие—принцип старания—всегда позади. Эти свойства замечаются

иногда уже с самых ранних лет. Они часто являются в рождениями. Даже в блестящем возрасте физическое сложение таких постоянных победителей уже привлекает на себя внимание. Конечно, для нас, для страны пролетарской диктатуры, таких людей нужно побольше, и в особенности теперь, когда после губительных войн, после чрезвычайных потрясений так пострадал цвет страны. Не менее, если не более, необходимы нам и люди другого рода, те, которые делают такие завоевания, как, например, тормаз Казанцева, в ряде других открытий и изобретений, которыми может гордиться любая страна. Еще более желаны нам такие, которые соединяют в себе свойства обоих типов, как, например, известный друг СССР—знаменитый норвежский ученый и путешественник — Нансен. Но тут же рядом с такими людьми существует и масса совершенно и противоположных. Их имена

и развиваться; Мендель же указал на важнейшие законы, по которым происходит наследование отдельных признаков и свойств. Мы теперь хорошо знаем, что, если родители с хорошей наследственностью находятся в отвратительных условиях, создающихся капиталистическим обществом, то потомство будет более слабосильно и хило, чем потомство людей, живущих в хороших условиях. Влияние экономических условий и наследственности проявляется во всей жизни человека.

Помимо внешних социальных условий, образующих человека, не меньшее значение, однако, играют и причины внутренние, те причины, которые вызываются особым свойством всего живого — наследственностью. Именно этому свойству обязано появление в целом ряде поколений какого-нибудь признака, иногда даже совершенно неважного. Так, в течение многих лет существования царствующего дома австрийских императоров Габсбургов — у них отмечалась особая форма подбородка, у семейства Бахов — музыкальность, и т. д. Когда явления наследственности стали изучать тщательнее, то вскоре обнару-

жили, что далеко не все качества человека передаются потомству. Те качества, которые не врождены, а приобретены родителями в течение их жизни социальной средой, профессией не передаются, например, никогда. Один ученый, Вейман, обругал хвосты мышам, целям двадцати поколениям и, тем не менее, ему так и не удалось получить мыши бесхвостую от рождения. Врожденные же свойства передаются, но не все и не всегда. Какие же передаются всей жизни человека?

В этом отношении чрезвычайно помогают делу исследования Менделя. Многолетним наблюдениям он открыл, что наследование подчинено очень важному закону, закону расщепления признаков. Если мы спарим серую мышь с белой, то первое поколение от них будет серым, во втором — на три серых придется всегда лишь одна белая. В дальнейшем потомство этой белой будет всегда белым, а потомство одной из серых будет всегда серым. Зато у двух других серых потомство будет всегда двойное — белое и серое, и всегда на одну белую в нем будет приходиться три серых. Если вступят в брак наследственно больной с нормальной женщиной, то по этому закону четверть их внуков непременно будут больными, всегда будут давать большое поколение; из других же трех четвертей — одна четверть будет давать всегда нормальных людей, а две четверти — больных и ненормальных. Таким образом, по этому закону и от больных людей могут быть и нормальные, но непременно будут и больные, и их никакими мерами не исправить. Такие-то люди, вступая в брак, и ухудшают человеческую породу.

Что же с ними делать? Как помешать им ухудшать человечество. Доктора Окснер, Лентул, Херти и Бельфильд отвечают: «стерилизовать» этих наследственно вредных людей, не лишая их способности к брачной жизни; тогда они, хотя и вступят в брак, но детей с дурной наследственностью понесут и выведутся.

Что такое стерилизация?

Это небольшая, почти безболезненная и кратковременная (15 мин.) операция, при которой переворачивается трубка, выводящая семя наружу. После такой операции человек может сейчас же идти на работу, останется работоспособным и здоровым (часто более здоровым, чем был), но только не может иметь потомства.

Та же операция помогает, не уничтожая рабочего скота, прекратить его размножение, если он имеет наследственные пороки.

Умственные и телесные признаки человека в отношении наследственности — одно и то же. Они обясняются строением его тела (мозга, нервов, язвел) и подчиняются наследственности, как всякие телесные признаки. И устраняются они в человечестве так же, как устраняется все вредное в живой природе — искусственным образом. Человеческую породу так же, как и всякую породу животных и растений, может изменить только среда, труд и отбор в их сочетании. Это же сочетание даст нам новую лучшую человеческую породу.

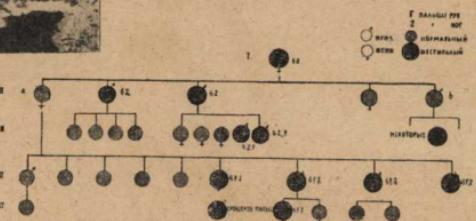
СЛЕВА — тульский крестьянин, имеющий 24 пальца, по шести на руках и на ногах.

В СЕРЕДИНЕ — СХЕМА НАСЛЕДСТВЕННОЙ ПЕРЕДАЧИ ШЕСТИПАЛОСТИ: она показывает, как распределяются признаки наследственности в потомстве.

Черными кружками обозначены потомки, имеющие по 6 пальцев.

ВНИЗУ — Значок Российского Евангелического Общества.

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ПЕРЕДАЧА ШЕСТИПАЛОСТИ.

помому не указать. Никому они не известны; а если и известны, то лишь с самых нежелательных сторон — вечные неудачники, больные, слабые или прямо преступные, они являются обузой или угрозой для общества, для страны и требуют или врачебного надзора, или удаления из общества.

Как же, почему являются на свет люди первого и второго сорта. Ведь, в мире ничего не происходит случайно, решительно все имеет свою причину и какие-то имеются и в рождении разных людей. Долгое время эти причины были совершенно неизвестны. Сюда припомнили и бога и чарта, но никакого от этого толка не получалось и ничего они не разъяснили. Только в последние полсотни лет на основе учений Ч. Дарвина, К. Маркса и Г. Менделя удалось выяснить кое-что очень существенное. Дарвин исследовал общие законы развития и наследственности животного и растительного мира; Маркс исследовал законы развития человеческого общества и показал, что каждый отдельный человек есть продукт той среды и тех экономических условий, в которых он принужден жить

Личность лежала в сапогах и шубе; личность явно пахла Малой Антантой...

КОГДА это началось, в точности вам объяснить не сумею, но только стал я замечать, что рабфаковец Сашка Железиков начал смотреть на мир оппозиционно и тяготиться перспективами.

Всем, думаю, дело. Какой, думаю, Саркоин способствовал его проклятию.

Неужели, думаю, об науку зубы обломал, и от глотания гранита заболел катаром желудка.

А так как Сашка Железиков лично обстоятельно-полезная и не зря поступил на факультет подпольщиком (потому—израненным) подозрением, то решил я выяснять корень зла.

— Сашенька,— говорю, — почему лицо напоминает мне финансовый кризис во Франции, и не носишь ли ты в своем чреве Цинкова?

— Нет, Ромашка, не залезали в мой живот болгарские палачи, но все же горе происходит от неправильного сожительства.

— Сашенька,— говорю,— не пугай моего. Не ставь меня содрогаться всем спектаклем. Неужели ты уже счастливый отец и кормила трех суммы, полученных от продажи старьевщика старых брюк, идет на удовлетворение естественных потребностей своего сына?

— Нет,— говорят,— не имею я恺撒овства к цветам жизни (летим т.е.). Сожительству же я с человеческим одиночеством мало...
Волосы встали на мени на голове...

— Сашенька,— говорю,— и зачем же такой буржуазный раздроб? — Да нет,— говорят,— не буржуазный это раздроб, а жилищный кризис...

— Т.е., как?

— Да так. Ты вот лучше приходи ко мне, там все собственно-лично увидишь.

* * *

Пришел и собственно-лично увидел. Еще не войдя в комнату, остановился я в изнеможении.

Сашенька, — говорю, — что это за сыр хранится у тебя в комоде?

Зачем ты меня не предупредил, что у тебя здесь ларек Моссовэлпрома.

— Нет,— говорят,— это не сыр, это воздух.

— Воздух? Почему же от этого воздуха у меня нос сохнет и глаза влезают в чакотку? Может, ты,— говорю,— член Аванхарма и новый воздух, осирб смертноносный, изобрел. Честь тебе, конечно, и слава, но в комоде твой я не войду.

— Нет,— говорят,— я не изобретатель. И уж претерпи до конца.

Устроил я из платка противогаз, и мы вошли.

Батюшки моя светы!

Т.е., ежели бы я был кинематографическим режиссером и нужно бы мне было снимать зверей в белых, не поехал бы я в Украину или в Сибирь, не стала бы я там восстанавливать историческую обстановку.

Просто мир бы я Сашину комнату, и весь мир содрогнулся бы...

Ежели на стенах грязь,— это объективные обстоятельства.

На вот ежели старая заслуженная портняжка вместо лампового абакума, это уже объективные обстоятельства не назовешь. Это уже личности в истории.

Нога ступала по полу мягкко, она тонула в толстом слое окружков...

На двух ширебатых тарелках лежали остатки еды. И по этим остаткам можно было определить, что если обитатели комнаты за последние два месяца.

Но достопримечательностью комнаты была личность, лежавшая на всклоченной койке.

Личность лежала в сапогах и шубе. Личность была небрита.

Личность явно пахла Малой Антантой.

...двух бачиков замучил...

— Парень,— говорю я дипломатически,— что с тобой?

— Ни чего.

Может, у тебя горе какое, что ты на манер турецкого святого живешь?

— Никакого у меня нет горя. Такие равнодушные ответы вызвали меня из Чичеринской деликатности и заставили оседлать Буденовского коня:

— Так как же ты имеешь право устраивать из своей комнаты буджузное разложение и кукульсанский дух в ней разводить?

— Отстань,— говорит,— никогда мне одеколон пахнуть. У меня зачеты на носу.

— У тебя,— говорю,— на носу, а нам-то они в нос вросаются.

— Нет у меня желания,— взорвался,— под всякий мешанин пихать нос.

Вскрипал и юношески и хотел же вытряхнуть париж из шубы, но оказался он весьма увесистым и потому наша дискуссия закончилась виной.

— Ну, как?— спросил я у Сашки через две недели.

— Пахнет,— сказал он пессимистически.

Через несколько дней я увидел Сашку в необычном настроении:

— Ромашка,— закричал он,— я спасен!

— Да ину. Он умер?

— Там что же?

— Да вот, случай. Прихожу я да и четыре тому назад домой вижу, лежит мой сожитель в полуободром виде.

— Что с тобой?— спрашивала.

— Я,— говорит,— отвергнут.

— Кем?

— Ей.

— Что это за «она»?— спрашивала.

— Рабфаковка одна,— говорит он плачущим голосом.— Притягала я ее сегодня к себе потолковать. Вошла она сюда, как солнце, но... через минуту упала в обморок. А когда пришла в себя, так сказала: мне,— говорит,— на предном производстве запрещено работать. Здоровье слабое.

— Ну и что же?

— Ну и ушла. Повесилась я.

Стал я его уговаривать, а он даром, как вспомнил и так полегче из комоды. Я за него, а он... в блюдо. Два часа мылся, двух банишиком замутил! А вернувшись, такой порядок в комоде навел, что хоть американского президента приглашай. И ведь у него денег на мыло, ни на стирку, ни на ваксу не хватало, а теперь откуда деньги взялись.

— Да,— закончила Сашка задумчиво,— любовь есть фактор гигиены.

Я не возражал.

Цена №
„СМЕНЫ“
25 коп.